

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР. Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кулагина, В. Лебедева-Кумача, М. Ларина, Е. Петрова, Н. Подольна, А. Фадеева.

№ 26 (877)

10 мая 1940 г., пятница

Цена 30 коп.

Искусство города Ленина

В последние годы у нас установилась хорошая традиция демонстрировать на столбчатой сцене все лучшее, что есть в искусстве страны. Зритель Москвы хранит в памяти свежие воспоминания о декадах искусства Украины, Грузии, Азербайджана, Казахстана, Армении, Узбекистана и Киргизии. В его сердце падают запечатленные трогательные образы Лейлы и Этери, Молжун и Абесаломы, запомнившиеся названия, ранее не слышанные, рожденные в степях Казахстана или в горах Средней Азии. Часто на улицах столицы можно услышать песню, привезенную из Киева или из Тбилиси. Она проникла в повседневную жизнь и стала неотъемлемой принадлежностью нашего бытия.

Так сцена стала местом культурного общения народов. Искусство участвует во всеобщей складке всего прекрасного, что создано и создается народной фантазией и талантливими мастерами сцены, музыки, песни и танца.

Духовное раскрепощение народных масс естественным своим следствием имело все увеличивающуюся тягу к театру, к музыке, ко всему прекрасному и вдохновенному, что может дать искусство. Зритель, жаждущий, а не завсегдатий откупных лож или туполованый меломан стал ценителем прекрасного, ценителем выскальчиваем и прецизионных.

Показ искусства Ленинграда, начинающийся сегодня, представляет собою событие, выходящее по своему значению не только за рамки очередных гастролей, но и за пределы традиционных смотров. Давно заслуженное признание, мировая слава и крупнейшая роль в истории русского искусства, как и заслуги в создании нового, советского театра, делают приход гостей из города Ленина подлинным праздником всей страны. На опыте ленинградских мастеров сцены учились крупнейшие наши театры. Творческое соревнование театров Москвы и Ленинграда олицетворяло социалистическое искусство, пришло ему крупнейшие победы. И если прежде московский зритель, а вместе с ним весь советский народ заочно платил благодарностью и признательностью за все, что сделано ленинградцами в развитии театрального и музыкального искусства своей родины, то в дни показа они оценят их высшее мастерство непосредственно.

История ленинградских театров насчитывает более двухсот лет своего развития. Революционный рубеж они пережили с великими традициями. Вместе с опытом реалистического искусства на советскую сцену были принесены и отрицательные черты старого театра, особенно предревлющное — с его холодной академичностью и бессодержательным эстетизмом. Преодоление предрешительности на пути к социалистическому реализму потребовало немало труда и усилий. Идеино-художественная перестройка театрального Ленинграда проходила при активном участии ролановича члена советского комитета А. М. Горького, по инициативе которого росла Большая драматическая театр, посвящая теперь имя своего великого шефа. Возникновение этого театра и деятельность в первый период его существования были исходной позицией для наступления новой театральной культуры на остальную декаданс и увлечения формалистическим экспериментаторством. Дыхание революции растаптывало и академический лепет. На сцену вышел пламенный Маяковский с его «Мистерией-Буфф». Позднее советский репертуар пополнился драматургическими произведениями Вс. Иванова, Б. Лавренева, Вс. Вишневского, Н. Подольна.

Последнее десятилетие было особенно плодотворным, как период творческих поисков направлений и изобразительных средств, какие могли бы удовлетворять требования растущей культуры советского народа. Оно характерно огромной работой, проделанной театральными коллективами Ленинграда в освоении классиков русской и мировой литературы и музыки. Пушкин и Лермонтов, Шекспир и Гольдони, Шиллер и Лопе де Вега, Островский и Горький, Гейсвий-Борсаковский и Чайковский, Гайнц и Мусоргский — крупнейшие имена завершали на афишах С особенной

любвью ленинградцы разрабатывали драматургическое наследие Горького. В их сегодняшнем репертуаре прочное место занимают такие пьесы Горького, как «Враги» — в театре им. Пушкина, «Дачники» — в Большом драматическом и «Варяры» — в театре им. Ленинского комсомола. Горьковских «Дачников» москвичи вновь увидят в исполнении Большого драматического театра в дни показа искусства города Ленина.

Характерен этот период и появлением новых постановок.

Московский зритель впервые увидит пьесы, появившиеся на советской сцене благодаря неутомимым поискам репертуара, какие ведут руководители ленинградских театров. К числу таких пьес относятся в первую очередь произведения драматурга А. Ропкова «Парь Потан», который будет показан Большим драматическим театром. Свежо прозвучит старая пьеса Сарду «Фландрия», никогда еще не идущая после революции. Театр им. А. С. Пушкина привез спектакль о Ленине, образ которого мы увидим в талантливом изображении артиста Скоробогатова. Порадует новинку и ленинградский театр комедии, в репертуаре которого — «Тень» В. Шварца.

Во многих отношениях показательна работа ленинградских театров для детей. Изобретательность и строгость, любовь к юному зрителю делают этот театр подлинно советским воспитателем художественного вкуса нашей детворы. Новый ТЮЗ отчитывается перед москвичами только тремя постановками. Но они в полной мере дают представление о высоком уровне культуры, на котором находятся и драматургия, и театр для детей в городе Ленина.

Покажу, нет никакой нужды напоминать о роли Ленинграда в развитии русского оперного и хореографического искусства. Она давно и полно признана и отмечена, и любые слова похвалы тут будут неизбежно звучать банальностью. Гораздо целесообразнее сделать выводы из того, что мы увидим, и попытаться повторить опыт ленинградцев, сделать его достоянием всей советской сцены. Опыт этот даст ответ на многие вопросы, связанные с дальнейшим ростом и развитием всей театральной культуры, ответ — до крайности простой и в то же время глубокий по своему смыслу. Казалось бы, время и балет более всего связаны со старыми канонами и традициями, а вместе с тем — новое там труднее, чем где бы то ни было. И вместе с тем, говоря о театральном Ленинграде, никак нельзя уйти от того факта, что именно тут — и особенно в балете — сделано так много нового и интересного. Не свидетельствует ли это о линии наибольшего сопротивления, о полном оправдании смелого риска и настойчивости, с какой ленинградские театры работают над воспитанием молодых дарований, над их выдвиганием и квалификацией? Простота ответа заключена в формуле, которую можно вывести из опыта таких крупнейших мировых театров, как театр оперы и балета имени С. М. Кирова и Малый оперный театр: новое в искусстве приходит вместе с новыми талантами, с новыми кадрами, воспринявшими лучшие традиции корифеев сцены и достигшими зрелости, благодаря заботливому воспитанию и помощи со стороны деятелей сцены старшего поколения. Казанное новое не означает, что в других театрах ничего не делается для выращивания нового поколения актеров, режиссеров, певцов. Недавно проведенный смотр творчества молодых мастеров начисто отвергает такой упрек. Но пример этих двух театров чрезвычайно выразителен и достоин подражания.

Вне сомнения, театральная Москва, наряду с радующим и гостеприимством, проявит должное уважение и внимание к тому творческому опыту, какой накоплен многочисленной армией работников искусства города Ленина, и теплая встреча не только станет праздничным событием, но и послужит толчком к еще более тесному творческому сотрудничеству в области искусства двух великих советских городов.

Горком комсомола о работе литературного объединения

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). На днях правление ЛенОСП обсудило решение бюро Ленинградского городского комитета ВЛКСМ о работе объединения молодых писателей при газете «Смена».

Объединение молодых писателей, созданное при комсомольской газете после постановлений ЦК ВЛКСМ, добилось noteworthy успехов в работе с литературной молодежью.

Однако, отмечая эти положительные итоги, бюро горкома ВЛКСМ указало и на существенные недостатки в работе объединения. Основной недостаток, по мнению бюро, заключается в том, что работа свелась только к обсуждению творчества писателей — членов объединения. Между тем молодые писатели должны были обсуждать не только свои стихи и рассказы, но и больше и острей вопросы современной литературы.

«Внутри объединения, — как отмечает решение бюро ЦК ВЛКСМ, — не создана обстановка общественного внимания к вопросам культурного и идейно-политического роста молодых писателей». Вместе с тем бюро указывает, что «ленинградское отделение союза советских писателей не оказало практической помощи молодым писателям в их учебной и творческой ра-

боте», а редакция газеты «Смена» не выполняла решения ЦК ВЛКСМ о систематическом печатании литературной странички.

Бюро горкома ВЛКСМ вынесло специальное постановление об улучшении работы объединения молодых писателей. В частности рекомендовано практиковать встречи с «былыми людьми», организовать обсуждение наиболее интересных произведений советской литературы, а также волнующих советскую молодежь вопросов о советском патриотизме, о коммунистическом отношении к труду и т. д. Редакция «Смены» предложено улучшить руководство молодыми писателями, обеспечить регулярный выход литературной странички и печатание критических статей о творчестве литературной молодежи. Наконец бюро горкома ВЛКСМ обязало комсомольскую организацию ЛенОСП вознаградить работу по идейно-политическому воспитанию молодых писателей Ленинграда.

Проведение ЛенОСП, после обязательного обмена мнениями, вновь вынесло постановление об усилении работы с литературной молодежью. Группе писателей, критиков, литературоведов во главе с членами президиума М. Лозинским и Л. Рахмановым поручено разработать программу учебных и творческих занятий.

УКАЗЫ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

В газетах от 8 мая опубликованы указы Президиума Верховного Совета СССР о назначении Маршала Советского Союза Климента Ефремовича Ворошилова заместителем председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и председателем Комитета обороны при Совете Народных Комиссаров СССР с освобождением от обязанностей народного комиссара обороны. Народным комиссаром обороны СССР назначен Маршал Советского Союза Герой Советского Союза Семен Константинович Тимошенко с освобождением его от обязанностей командующего Киевским Особым Военным Округом.

Указами Президиума Верховного Совета СССР установлены воинские звания высшего командного состава Красной Армии и Военно-Морского Флота. Для общевойсковых командиров Красной Армии установлены следующие воинские звания: генерал-майор, генерал-лейтенант, генерал-полковник, генерал-армии и Маршал Советского Союза. В Военно-Морском Флоте для высшего строевого командного состава корабельной службы: контр-адмирал, вице-адмирал, адмирал и адмирал флота. Так же, как и введение в свое время

воинских званий для всего начальствующего состава Красной Армии и Военно-Морского Флота, установление званий советских генералов и адмиралов еще вполне поднимает авторитет нашего командного состава, еще более укрепит воинскую дисциплину.

Для представления в Совет Народных Комиссаров СССР кандидатур на присвоение установленных указом Президиума Верховного Совета Союза ССР генеральских и адмиралских воинских званий СНК СССР назначил Правительственную Комиссию в составе: председатель Правительственной Комиссии — Маршал Советского Союза Н. Е. Ворошилов, члены Правительственной Комиссии — Маршал Советского Союза С. М. Буденный, командир 2 ранга Н. Н. Воронов, флагман флота 2 ранга Л. М. Галлер, флагман флота 2 ранга И. С. Исанов, Маршал Советского Союза Г. И. Кулик, народный комиссар Военно-Морского Флота, флагман флота 2 ранга Н. Г. Кузнецов, армейский комиссар 1 ранга Л. З. Мехлис, секретарь ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков, командир 2 ранга, Герой Советского Союза Д. Г. Павлов, армейский комиссар 2 ранга И. В. Рогов, командир 2 ранга, Герой Советского Союза Я. В. Смушневич, народный комиссар, Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников и армейский комиссар 1 ранга Е. А. Щаденко.

В бюро областных комиссий ССП СССР

В Краснодаре нет писательской организации. Однако это не значит, что там нет пишущих людей. Правда, все это авторы, творческие очень молодые, выпустившие одну-две небольшие книжки. Но среди них несомненно есть способные люди, в частности В. Овечкина, чьи очерки печатались в журнале «Красная новь». К числу молодых авторов надо сказать, что они не стремятся к ранней профессионализации и пробуют силы в литературе, не оставя своих основных профессий. Большинство из них — работники газет, мелодики, учителя.

Только за последний год в краево-книгоиздательстве Краснодара вышло три сборника рассказов: В. Овечкина, П. Стояко и К. Катайко, книжка детских рассказов И. Григорьева, рассказы В. Карского «Салага» и «Когда угасает неуспешная», три повести: П. Шумского — «Обреченность» и Н. Лаврикова — «В лесной балке» и «На хуторе» и два сборника стихов: С. Багатурова и В. Дикуюнова. В этом году краснодарское издательство выпускает, среди других книг, роман А. Степанова «Порт-Артур», повесть И. Шереметьева «Набег», книги Саламаха «Паргаевы станции Пошутной» и К. Катайко «Монахия станции Каневской». Выдут также сборник новых стихов В. Дикуюнова, стихи для детей Галахова и Дорная, рассказы для детей И. Бузинова и «Сказка дедушки корейца» Приходько.

Издательство выпускает не только книги краснодарских авторов, но и произведения

писателей, связанные с историей края, как, например, «Железный поток» А. Серфимова, «Над Кубанью» А. Первенцева, а также произведения русской классики — «Отцы и дети» и том избранных произведений Тургенева, стихи Маяковского.

Об этом рассказал Е. Чернышевский в своем отчетном докладе о поездке в Краснодарский край на расширенном заседании бюро областных комиссий ССП СССР.

Бюро областных комиссий ССП СССР главное внимание в своей работе уделяет творческой помощи писателям, работе о рукописях. Именно эти вопросы стояли в центре внимания этого курсово-конференциального писателя РСФСР. Отсюда же вытекают в первую очередь занимают командиром в области и края писатели — члены областных комиссий.

Бюро признало, что организации крайних и областных конференций надо считать важнейшим себя методом работы и вместо них писательские организации должны почасту устраивать чтения и обсуждения конкретных рукописей на встречах писателей с читателями — партийным активом города, работниками смежных искусств и т. д.

На этом же заседании был заслушан доклад тов. Б. Вадецкого о его поездке в Саратов.

Издательство и редакция

ХАБАРОВСК. (От наш. корр.). Последние месяцы (см. «Литературная газета» от 30 марта) Дальгия обрел, наконец, пристанище в одном из залов Дворца труда.

На днях в новом помещении собрались писатели, поэты, авторы актив, чтобы обсудить работу издательства в текущем году. Директор Дальгия тов. Кривцов рассказал собравшимся о далеком не блестящих результатах прошлого года. План выполнен всего на 54 процента. В свет выпущены лишь ряд слабых произведений. Уклоны обрабатывались плохо. Одни и те же редактор одновременно подписывал в печать сборники стихов и... брошюры о детских болезнях.

В нынешнем году значительно укреплен редакционный состав по различным видам литературы. Около половины всех рукописей по годовому плану уже в портфеле издательства. Но недостатков еще слишком много. Журналы выходят не вовремя, рукописи долго лежат без ответа, совершенно нет связи с читателями. За это критиковали Дальгия в провинции. Но особенно много говорили о необходимости улучшить редакторскую работу.

Авторам в крае молодые, им нужна квалифицированная помощь. Как этим грустным последствием приводит плохая редакция, показал в своем выступлении писатель Д. Нагишкин. Одно из очень

важных произведений для детей, выпущенных Дальгием, книжка Войткова «Вита идет в плавание» нестрит такими перлами: «пролетающие жуки дергались, словно жеребцы», «обман попреленному дымил своей старушкой». Нагишкин о оговоренном заявил, что свою книгу «Тихая бухта» он получил от редактора в девственно чистом виде. На 180 страничек изменено всего лишь два слова: вместо «веруски» — иностранцы, вместо «брат» — выд. Такая практика не может, разумеется, способствовать росту молодых кадров.

Редактор журнала «На рубеже» тов. Бессер предлагает расширить количество выходящих редакторов с таким расчетом, чтобы один редактор за год работал не больше чем над тремя-четырьмя книжками. Заслуживший деятель искусства Кобец и поэт С. Бугатов считают, что издательству необходимо теперь уже заняться подготовкой серии книг о Хабаровском крае в связи с приближающимся 20-летием освобождения Дальнего Востока от интерентов. Краснодарский Костюк указал, что Дальгия мало занимается обзорной литературой. Богатейший материал о Красной Армии, о героических подвигах бойцов, командиров и поллитрабников не используется.

Многие участники совещания резко критиковали газету «Тихоокеанская звезда» за пренебрежительное отношение к Дальгиву и местным писателям.

Вечера азербайджанской литературы

На днях в Москву для участия в декаде азербайджанской литературы прибыли писатели Мехти Гусейн, Микаэль Раффи, Зейнал Халил, Юсуф Ширван и Сулейман Рустам.

13 мая для участия в декаде приезжал в Москву делегация писателей во главе с Самедем Вургуном. Среди приезжающих: Мамед Ратим, Мирвари Лилбаз, Алексер Зияат, Осман Сарали, Мамед Ариф, Сулейман Рагимов, Ордулы, Миржалал. 15 мая в Московском клубе писателей состоится большой вечер-встреча с азербайджанскими писателями — участниками декады. В клубе устроена выставка работ азербайджанских художников: живопись и макеты театральных постановок,

а также выставка книги на азербайджанском и русском языках.

Торжественный вечер, посвященный азербайджанской литературе, состоится 17 мая в Большом зале Консерватории. Поэты и прозаики Азербайджана и русские поэты-переводчики выступят с чтением произведений.

Кроме того, состоится вечера азербайджанской литературы в Военной академии имени Ленина и на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Вечером, посвященным Низами, который состоится 23 мая в клубе писателей, закончится декада азербайджанской литературы.

За пять дней

ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ ССП СССР, ПОСВЯЩЕННЫЙ «ДЖАНГАРУ»

Решением президиума ССП СССР 28 мая в столице Калмыцкой АССР — Элисте созывается VIII пленум правления союза писателей, посвященный 500-летию калмыцкого народного эпоса «Джангар». В повестке дня пленума указы: В. Я. Кириотина — «Джангар» — великий эпос калмыцкого народа, Ю. М. Соколова — «Джангар» и эпические произведения народов СССР, члена-корреспондента Академии наук И. И. Поппе — «Джангар» и эпос монгольских народов», председателя ССП Калмыкии Ц. Лохжиянова — «Художественная литература Калмыкии» и другие доклады.

В юбилейных торжествах примут участие писатели братских республик. Из Москвы в Элисту писательская делегация вылетит 25 мая. К дням юбилея «Джангара» в Элисте в музее краеведения открывается выставка, посвященная великому эпосу. На ней будут представлены иллюстрации к «Джангару», сделанные художниками В. Фаворским, Н. Фаворским и Г. Вечетовым.

В дни пленума Государственный калмыцкий театр покажет пьесу писателя В. Басангова «Страна Бумби» — по мотивам «Джангара». Государственный калмыцкий ансамбль песни и пляски исполнит ораторию, написанную по мотивам «Джангара» поэтом С. Липшиным.

А. Е. РЕШЕТОВ, награжденный орденом «Красной Звезды» за образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с финской белогвардейской и провакцинные при этом доблесть и мужество.

ЮБИЛЕЙНЫЕ ЛЕРМОНТОВСКИЕ ИЗДАНИЯ

7 мая на заседании редакционно-издательской комиссии юбилейного лермонтовского комитета утвержден план издания произведений поэта и работ о его жизни и творчестве.

Гослитиздат к юбилею выпустит два однотомника: 100-тысячным тиражом — однотомник, включивший все произведения Лермонтова, и полумиллионным тиражом — однотомник избранных произведений. 50-тысячным тиражом выйдет полное собрание сочинений поэта. Для этого решено использовать уже подготовленное Гослитиздатом в печати 4-томное собрание сочинений, из которого уже вышли в свет два тома.

Отдельными изданиями в массовых тиражах, а иллюстрированными изданиями, будут выпущены: лермонтовская эссеистика, стихи и поэмы, проза, драматургия.

Особое внимание комиссии привлек вопрос об однотомнике. Как назвать однотомник, включивший все произведения Лермонтова, — по хронологическому принципу или же, выделяя классические произведения от нерелких и черновых?

Комиссия высказалась против хронологического принципа и для контроля за объемом и выделением в наиболее лучшей части лермонтовского наследия образовала редакционную коллегию, однотомника в составе: П. Бродского, В. Кириотина и П. Антокольского.

За работ о жизни и творчестве поэта утверждены к изданию: научная биография М. Ю. Лермонтова, издаваемая сейчас проф. Н. Бродским, на сборника научно-исследовательских работ, составляющих труды лермонтовской группы Института мировой литературы, критико-биографический очерк Н. Юнович и краткая популярная биография поэта. Принято к сведению заявление П. Чагина, что ленинградское отделение Гослитиздата предполагает издать биографию поэта, написанную В. Мануйловым.

Список этих миниатюрных и будет пополняться по мере появления новых работ о Лермонтове.

Первый научно-исследовательский сборник о Лермонтове комиссия признала необходимым издать еще в текущем году. Второй сборник готовится к печати, он содержит ряд новых материалов о связи лермонтовской поэзии с грузинской литературой, о влиянии его поэзии на литературу Грузии и Армении.

Отдельным изданием решено выпустить научное собрание документов и свидетельств о жизни и смерти Лермонтова. Объявляется конкурс на составление популярной биографии поэта. Установлены три премии: в 10, 5 и 3 тысячи рублей. Срок представления рукописей — 1 января 1941 г.

УКРАИНСКАЯ «БИБЛИОТЕКА ПОЭТА»

КНЕВ. (От наш. корр.). Новое издательство «Радянський письменник» при союзе советских писателей Украины намерено осуществить издание украинской «Библиотеки поэта», охватывающей всю многовековую историю украинской поэзии от «Слова о полку Игореве» до наших дней.

Огромное значение этого мероприятия, впервые осуществляемого на Украине, трудно переоценить. В беседе с нашим корреспондентом главный редактор издательства Н. С. Рыбак сообщил тематический план будущего издания:

Украинская «Библиотека поэта» рассчитана на 39 томов. Большое место в ней займет богатейшему украинскому фольклору. Отдельные тома будут посвящены украинским историческим песням, народным украинским балладам, колоссальным, а также послеязыкороному фольклору. История украинской поэзии будет представлена однотомными поэтическими произведениями Т. Г. Шевченко, Г. С. Скоробогатого, поэтов — современников Шевченко — И. ШогOLEVA, Д. Глибова, П. Манжуры, Лесю Украинку, Н. Фрашко и др. Одни из томов будут посвящены творчеству украинских поэтов XIX столетия.

НОВЫЙ РОМАН ЯЛУ КУРЕКА

КАК ПОКАЗАТЬ ЖИВОГО МИЦКЕВИЧА

РАССКАЗЫ ВАШИНГТОНА ИРВИНГА

Польского писателя Ялу Курека мы знаем до сих пор по роману «Грип свирепствует в Направе» (1935 г.). В нем было много натуралистических изобразительных, чрезмерное внимание уделялось «проблемам пола». Безнадёжным пессимизмом, опущением фаталистической обреченности ведал от этой книги. Но смелый, правдивый рассказ о чудовищной нищете и бесправии польского крестьянства в значительной мере искупил пороки книги.

И вот перед нами новое произведение Курека — «Молодость, пойд!» (Варшава, 1939 г.). Написанный стилистически очень просто, роман этот подкупает искренностью, взволнованностью, и — я бы сказал — целомудренностью тона.

«Молодость, пойд!» — это повесть о 20-летнем юноше Казеке, сыне железного мастера. Казек окончил гимназию, однако аттестат зрелости не только не обеспечивает ему места под солнцем, но, напротив, нередко служит помехой. Когда Казек получает временную работу на прокладке путей близ Закопане, он пренебрежительно прятает свой аттестатный диплом, чтобы не возбуждать подозрений ни у рабочих, ни у администрации. Казек честен, трудолюбив, женолюбив. К тому же он одарен музыкальными способностями и хорошим голосом. Но в личной жизни борьба за существование все эти прекрасные человеческие качества оказывают не только лишними, но часто обременительными и вредными. В самом деле, вавой прок в честности, трудоливости, благородстве, если ты в действительности — раб, если мир несправедлив, все поощряет друг друга, большое дерево глумится над малым, большая рыба пожирает малую, как впоследствии окажется уже умудренный опытом Казек.

Казек принадлежит к группе бродачких музыкантов. Трудная, изнурительная работа, с риском попасть в руки полиции, отравляющей попой поточных бутужка от носящихся протаваний «нишних», дает совершенно ничтожный заработок: в лучшие дни на юлю каждого из четырех участников труппы приходится едва один злотый. Если есть 10 грошей, Казек почит в почасовом доме, где в калюм «кlient» выпит прежде всего вина, преступника, куда прохвещать можно, лишь оставив превратно отток с пашней! Казек знакомит нас с различными объектами почтенья — «одно» капиталистического города, жертвами социального строя, обремененного им на иппенство, предшлянием, физическое вырождение. Курек выдвигает в уста объективных наблюдателей много горьких истин о неужности, бессмысленности их существования. Но он полемичен и другое. В день, когда рабочие Бюкожа торжественно хоронят своих товарищей, убитых полицией при разгроме демонстрации, бедняки из почтенья скажут: «Пойдите тоже всем скопом. Это — наши братья. Кто знает, не придется ли нам завтра погнубить на улице, как погнуби они... Уж лучше погнубить, вот так, чем сдохнуть в голую дробь-дробь по заборм или замерзнуть зимой... И пошля...»

Голодная, безземная жизнь превращает здорового юношу в инвалида. И однажды, когда он залез под автомобиль своей гармонии, из его тела вырвались не музыкальные звуки, а «рычание раненого животного». Он потерял единственное свое достоинство — певню! Вот оно — «Молодость, пойд!»

В жизни Казека произошло важное событие. Случайно он оказался на фабрике «Бляхит» в дни «сидячей» забастовки. Атмосфера борьбы захватывает и Казека.

Правда, Казек еще очень далек от революционных выводов. Как и sentimentalный, добрый доктор Снежок, один из персонажей романа, Казек находится во власти беспощадных мечтаний о грядущем счастье, о том, что главное — «высвоить денюжку, денюжку», в трудные минуты он ждет утешения в религии и т. д. Но,

сбливая Казека — хотя бы на час — с рабочей средой, с полившимся на борьбу протавщиками, Курек заронил в своем герое семена великого бунта.

Новое для него ощущение общности с рабочей средой заставляет Казека идти в горнопромышленную Верхнюю Силезию искать работы и хлеба. Но его и здесь ждет один ответ: работы нет. Дожидаться до последней степени нищеты и отчаяния, Казек поступает на «работу» к контрабандисту. За несколько злотых он должен переходить по ночам границу с «товаром». В первую же ночь путь контрабандчика кладет конец его негодной и мучительной жизни.

Несколько лет назад польский критик Гутька-Ласковский в львовском литературном журнале «Сигналы» пытался антагонизировать типичного героя польской книги, ее чрезвычайно слабо распространяемой, ее чрезвычайно слабо распространенной, «Молодость, пойд!» — писал он, — идет в книга ответов на вопросы, связанные с его страшной долей, с массовой беднотой и ее трагическими результатами. Правда, отмечает далее критик, в тех или иных книгах изображается жизнь масс, особенно в деревне, но эти книги фотографичны и не идут дальше голубого описания фактов, а читатель, и в первую очередь молодой читатель, ищет не фактов, которых и сам мог бы привести немало, а ответов на волнующие его вопросы, он ищет просвета, перспективы, выхода — и не находит.

Новый роман Курека имеет много общего с этим видом литературы. Это простое, правдивая повесть. Курек не скрывает, что судьба Казека — не случайное, единичное явление, что в ней отражаются судьбы целого поколения молодых людей бывшей Польши. В заглавие романа «Молодость, пойд!», повторяющееся рефреном на протяжении всего романа, Курек вкладывает всю силу своей скорби о «потерянном поколении», отчужденном в будущее. Курек цитирует знаменитые стихи из «Оды к молодости» Мицкевича, противопоставляет ее растоптанным, жизнотуждающим строки трагической действительности.

Отвлеченная вера доброго доктора Корежа в то, что «когда-нибудь будет хорошо», что «люди не будут вечно коснеть в нежесткости и чем скорее поймут правду, тем лучше для них», не подкрепленная никакой положительной программой действия, по сути дела отключает от активной борьбы за новую, лучшую жизнь. Заключительные строки книги, следующие за рассказом о гибели Казека: «Ничто не меняется. Солнце стремится с востока на запад. Но здесь было так чудесно. Спокойной почт, юльею окорбли», — проникнутое чувством обреченности и безнадёжности.

И все же, сравнивая «Молодость, пойд!» с предыдущими произведениями Курека — «Грип свирепствует в Направе» и «Вода похмеляется», мы видим, как расширился социальный кругозор писателя. Здесь уже нет попытки закоснить высшейшей идеологической возросшей капиталистической действительности «проблемами пола», занимающими несомненно большое место в «Направе». Напротив, валино, пусть робко, но зато правдиво, по честные попытки пахушать какой-то выход. И в участии Казека в сидке на «Бляхит» мы видим не случайный эпизод, а органический элемент художественного замысла писателя. То же самое можно сказать и об ударе качеством, которым Казека надтреснул полнейший во время разгона рабочей демонстрации в Силезии. Трагизм судьбы Казека в том, что ему еще не удалось завоевать доверия рабочих, слитых с их средой, куда его велью несомненное чувство солидарности.

Ялу Курек живет в настоящее время в Львове. Он собирает материалы для книги. Роман «Молодость, пойд!» дает все основания думать, что этот даровитый писатель, по-новому осмыслив действительность, создаст новые высокохудожественные произведения.

Львовская литературная общественность готовится к 85-летию со дня смерти Адама Мицкевича, исполняемому в ноябре этого года. В ближайшие дни, в частности, предполагается открыть большую выставку, посвященную жизни и творчеству великого польского поэта.

Специально созданный комитет по организации выставки уже приступил к разработке плана. В работах комитета участвуют видные польские литературоведы — профессор Борейша, Бой-Жельский, Клейнер и др. На первом заседании комитета они высказали ряд ценных мыслей, свидетельствующих об их желании приблизиться к массам, дать будущим посетителям выставки наиболее полное представление о его поэтическом наследстве. Но вопрос этот весьма сложный, требует чрезвычайно взвешанного отношения, и это побуждает нас высказать несколько соображений по этому поводу.

Проф. Борейша подчеркнул в своем выступлении, что выставка должна «показать Мицкевича таким, каков он был в действительности». Правильность этого утверждения бесспорна. Но важно показать самое существенное в жизни и творчестве Мицкевича — именно то, что характеризует его как великого поэта. Ибо, как известно, поэтическая биография Мицкевича кончилась с «Паном Тадеушем», отлавшив борьбу, которая привела его в лагерь мистика Товянского, Мицкевич перестал творить.

Между тем в плане, изложенном членом комитета тов. Польско, явно отражается стремление сделать особое внимание концу пути Мицкевича. Докладчик при этом высказал мнение, с которым никак нельзя согласиться, будто мистический Мицкевич — это «народное религиозное чувство и выросло оно под влиянием общины с народом», а религиозность Мицкевича являлась своеобразным выражением его радикализма.

Польская шляхта всячески стремилась возвысить Мицкевича-пророка над Мицкевичем-поэтом. Она искала в его мистических впадениях оправдания своей политике и своим действиям.

Прогрессивное литературоведение, надо надеяться, отбросит все ложь, которой заслонили его истинный облик, представит нам Мицкевича — человека и поэта — во всем его многообразии и противоречии. Но если речь идет о выставке, то вряд ли следует уделять внимание спорному концу его жизненного пути. Проф. Бой-Жельский лет десять тому назад писал в одной из своих статей: «Если бы меня за это даже закидали камнями, я скажу, что Мицкевич, представляющий свои меккие доносения Товянского и работающий над «духом» своей «семерки», не кажется мне — ах, на эту короткую мину! — не кажется мне великим».

Жаль, что Бой-Жельский не возражал на заседании комитета — хотя бы эти же словами — тем, кто ищет в религиозности Мицкевича «своеобразного выражения его радикализма».

Несомненно, на выставке будет широко представлен первый период жизни и творчества Мицкевича. Хотелось бы, чтобы в этом разделе посетители увидели столь вдохновенно воспетую поэтом «новорожденную землю» с его «родным Неманом», на берегах которого он родился и вырос, где

он услышал те народные песни, которые вложились в него на первые баллады, куда он обратился поэтическим взором, когда создавал «Тадеуша». Правильность польского шляхты за 22 года своего «независимого» существования не сделала ничего, чтобы превратить эти места в «мицкевический заповедник». Только советская власть в первые же дни освобождения Западной Белоруссии приступила к организации в Новогрудке музея Мицкевича. Безусловно, по-новому будут освещены на выставке годы пребывания Мицкевича в России. Казенные биографы Мицкевича всячески старались изобразить этот период как тяжелое «снание», замалчивали то положительное влияние, которое оказала на творчество Мицкевича связь его с великой русской культурой, с ее передовыми представителями. Стоит вспомнить строки из статьи проф. Бой-Жельского «Пути гения», также написанной десять лет назад: «Высылка в Россию была изгнанием, но и освобождением, можно сказать, самым счастливым событием в жизни Мицкевича... Пребывание в России сыграло в духовной жизни Мицкевича колоссальную роль... Он научился наконец в среде, достойной его...»

Выставка может наглядно показать, чем в действительности были для Мицкевича годы жизни в России, куда по образному выражению Ив. Козлова, он пришел с силой и отсюда ушел мудрым. В России он написал «Крымские сонеты», «Кюнара Валленрода» и «Фариса». Стоит на выставке поставить рядом отзывы шароварских критиков, называвших творения Мицкевича мерзостью, с восторженными отзывами русских литераторов. Стоит показать все многочисленные переводы произведений Мицкевича на русский язык, начиная с появившихся еще во время пребывания его в России, в частности перевод баллады «Лилия», сделанный Рылевым.

Некоторые новые штрихи могли бы быть внесены и в раздел выставки, посвященный годам союзнания последней части «Дядю» и «Пана Тадеуша» — великих произведений, которые написал Мицкевич после того, как могучим уехал из России. Каленбах, утверждавший, что творчество Мицкевича в России расцвело лишь благодаря окружению соизнанников — филиатов, подчеркнул, что и эти его произведения были созданы лишь благодаря влиянию польских друзей поэта. Во имя объективной истины хотелось бы, чтобы в этом разделе было показано, что и за границей Мицкевич сохранил тесную связь с Соболевским и Зинаидой Волконской, что и они влияли на его творчество.

Настоящие заметки не ставят себе целью дать разработанный план большой выставки, которая организуется во Львове. Хотелось только подчеркнуть, что выставка эта должна показать массам жизнь Мицкевича, великого поэта, чьи творения составляют гордость мировой литературы, а не «святого» и «пророка», каким его рисовала польская шляхта. При таком подходе к выставке можно будет осуществить то, о чем на заседании комитета справедливо говорил Валиа Васильская: «Показать Мицкевича таким, каковы и неподготовленный посетитель, завлек из выставки наибольшую для себя пользу».

Вашингтону Ирвингу — классику американской литературы — у нас не везло. Знали его мало, переводили редко, и то главным образом в 30—40-е годы прошлого века. За исключением Е. Л. Добролюбова, написавшего статью по поводу ирвинговской двухтомной истории Матомета, почти никто из видных русских критиков не заинтересовался этим своеобразным, во многих отношениях замечательным писателем. Между тем Ирвинг — один из первых американских литераторов, получивших признание за пределами Нового Света, великий мастер короткого сюжетного рассказа (short story), один из основоположников той, в будущем богатейшей, литературы, которая дала миру Эдгара По, Брет-Гарта, Твена и много других знаменитых имен вплоть до Эптона Спеклера и Теодора Драйзера.

Хорошо, что Детиздат ЦК ВЛКСМ выпустил сборник рассказов и легенд Вашингтона Ирвинга. Жизнерадостная и очень трезвая по духу ироническая фантастика сказок Ирвинга и теперь, спустя сто с лишним лет после их написания, способна увлечь и юного и зрелого читателя.

«Рассказы и легенды» включают наиболее характерные для Ирвинга вещи из «Книги эскизов» (1819 г.), «Рассказов путешественника» (1824 г.) и «Легенд Альгамбры» (1832 г.). Выбор как нельзя более удачен. Новому знакомится с Ирвингом, конечно, нужно, начиная именно с этих, в литературном отношении самых блестящих его произведений.

Но что же увлекает нас в этом старом американском писателе?

В сказках Ирвинга есть фантастика. Но условность обычной сказки у Ирвинга замешена реальностью — быта, характеров, историчности деталей, и самое главное — фантастическое всегда окружено мягкой иронией, юмором. Читатель волнуя или не волнуя верить тому, что он читает. Автор тут прямо советует ему не верить, подкашивает реальное, разумное обяснение фантастического события, намекает на то, что басням, мол, верят всякие простаки, а мы с вами знаем, где правда.

Мечтатель Рип Ван-Винкль, отъезжая воепоходного выезда великого Гендрика Гудзона, двадцать лет проспал на зачарованной горе. Вернувшись в свою деревню, он не узнает ее, так все изменилось за эти годы. Его тоже все успели забыть и даже принимают теперь за английского шпиона. Но все кончается хорошо. Рип берет к себе дочь, и он счастливо доживает в нее свой век.

А как же история с его чудесным споем? Рип охотно делится ею с любимым вострпном. «Замешено было, что вначале он каждый раз изменял некоторые подробности, без сомнения, потому, что так недавно пропущено. Но в конце концов история отстоялась в тот именно рассказ, который мною изложен, и не было во всей округе ни мужчин, ни женщин, ни ребятик, которые бы не знали ее наизусть. Иные упорно продолжали сомневаться в правдивости ее и утверждали, что Рип попросту снития, а этот пункт помешательства так за ним и остался. Однако старые голландские поселенцы отнеслись к ней с полным доверием».

Читателю предоставляется выбор — либо поверить в правдоподобие невероятного приключения в Ватскильских горах, где каждые двадцать лет, вместе с командой своего «Полумесяца», несет вахту Гендрик Гудзон, открывший реку и страну, либо присоединиться к мнению скептиков, утверждающих, что старик снития. Если и второй вариант не удовлетворит читателя, он вправе самостоятельно поразмыслить над загадкой Рипа и найти ей новое, совершенно реальное обяснение. Добродушный фантазер и убежденный бездельник Рип мог ведь попросту бежать от вечных перепок своей сварливой жены. Ведь лезарю же он возвращаться домой сразу после

Вашингтон Ирвинг. Рассказы и легенды. Детиздат. 1939 г.

ее смерти. А рассказ о чудесном сне — выдумка вполне в духе неутомимого заблудши Гипа.

Возможность самого разнообразного толкования ирвинговской сказки, заключенное в ней богатство бытовых деталей, наконец, ее нестаревший юмор очевидно, и создали ее такой привлекательной для театра и кино. «Лейли Уоркер» недавно сообщила о выходе нового фильма «Рип Ван-Винкль». И это не первая попытка инсценировать Ирвинга.

Реальность побеждает фантастику и в двух других рассказах из «Книги эскизов» — «Легенд-призрака» и «Легенда Сонной Ложины». В первом случае — это ироническая переработка известной баллады о Леноре, пародия на романтическую немощку легенду. Во втором — веселая бытовая повесть о неуклюжей любви школьного учителя к первой красоте деревни. Совсем в голубеской манере здесь обтырывается прадурасуды и поверья обитательной благоденствующей Сонной Ложины.

Замечательные short stories Ирвинга нередко хочется сравнить с фантастическими новеллами двух современных ему мастеров — Эдгара По и Гофмана. Эдгар По, искавший для своих мрачных рассказов необычайную обстановку, сложные средневековые декорации, старался логически доказать достоверность необычайного, убедить в реальности ирреального. Гофман, напротив, «невероятное» делал как бы естественной частью самой обычной жизни, выводил фантастику в биргерский быт как нечто совершенно закономерное, не требующее ни доказательств, ни опровержений.

Иное у Ирвинга. Элементы сказочности в его новеллах так обычно приправлены народным юмором, веселым скепсисом, так легко и остроумно опровергают всякую возможность существования невероятного, что заставляют смеяться при одной мысли о том, что подобные вещи возможны не в книгах.

Именно такой трезвой фантастикой характерен рассказ «Вольф Вебер или золотые яйца». Это увлекательное повествование о добротворном земледельце, одержимом магией казнокрадства, с вводящими эпизодами, вставными рассказами о призраках, призраках и т. п. Мораль «Вольфа Вебера», мораль благонамеренного и прокупевающего буржуа, внушается читателю спокойно и словно между прочим: честно трудись, не зарься на нечисто добытое золото, не верь басням и суевериям и тогда будешь вознагражден сторицей, ибо жизнь за тебя.

В очаровательных легендах книги «Альгамбра» удивительно верно передана исторический и местный колорит Испании эпохи раннего средневековья. Это своеобразная испано-маританская Шехерезада, только очень современная писателем. Юмор, которым пронизана вся книга, вам хорошо знаком по народным сказкам, сказаниям. Ирвинг очень тонко чувствует и воспроизводит именно то качества сказки, которые больше всего создают иллюзию народности. И герои, которых он явно симпатизирует, это все люди из народа: мечтатели, как Рип Ван-Винкль, честный каменщик, грузчик (из «Альгамбры»), хитроумный солдат («Комедант Манго») и т. д.

Книге предшествует статья М. А. Гершензона об Ирвинге, написанная в традициях беллетризованной биографии. Ее с удовольствием прочтет каждый, кто интересуется Ирвингом.

Очень любимо сделан перевод. Правда, попадаются шероховатости вроде — «сегодня тинузась яхоль... гряды», или явное недомыслие вызывает фраза, в которой «много-много лет назад Сем... окопал равно свой дневной труд и ловил рыбу в тихий летний вечер...» Но надо признать, что таких погрешностей немного, и они никак не могут испортить большой, хорошей работы.

Госпитиатат выпускает книгу «Нарьера Ругонова» Э. Золя. На снимке: иллюстрация художника Н. В. Кузьмина

ПОСЛЕДНЯЯ ОПОРА

М. САПИР

В связи с войной старцы, пишущие письма в редакцию газеты «Таймс», вспоминали Карлейля. Как многие английские писатели, Карлейль был и радикалом и консерватором, и не только в разные периоды жизни, но и в одно и то же время. Вспоминали его потому, что в английской литературе он был одним из первых (и самым выдающимся по силе слова) гласншавае войны как выражения «общественной воли». Он говорил, что «сила и правда, которые на первый взгляд кажутся столь различными, в конечном итоге одно и то же» и что эта истина есть вихре мидоподняная Полярная звезда в вихре мировой истории». При этом Карлейль, по словам писателя, писал с присущей ему убежденностью Карлейля, «можно установить, что в этом мире всегда дательное завоевание оказывается благоденствием как для завоевателя, так и для завоеванных». Все это содержится в книге «Нартум». Вышел этот же лет назад и написанный в защиту великого рабочего движения. Через одиннадцать лет, в «Памфлетах поздних дней», радикализм Карлейля поостыл, а его консервативные тенденции усилились, и он писал в защиту британского империализма: «Острова сахара, острова пряноств, Индия, Канада были нами по подлинному велению неба, но никто не желал или не мог признать этого, пока это не было утверждено правом оружия».

Мистический по фразеологии империализм Карлейля не стал заменен английской литературой. Но в годы Крымской войны эти строки громко звенели в произведениях Теннисона и в других произведениях поэта. Крымская война была одной из самых позорных страниц в военной истории Англии. Командование обнаружилось полным бездарностью, неподготовленностью, невежеством, неспособностью организовать элементарный порядок. Даже английские историки не могут найти политического оправдания для этой войны и называют ее «несколько странной», единственный объективный смысл которой можно усмотреть в «некотором сближении с Францией». Однако и обяснение было весьма кратковременным. Что касается общественных настроений, то один из великих историков Англии пишет, что «антузализма с джигонизмом». Эта смесь, надо сказать, составляет суть всякого «анту-

знама», охватывающего известные, одни и те же на протяжении ста лет, круги Англии при всех ее войнах. Теннисон был тоже «охвачен». Либеральная часть его антузизма заключалась в том, что Теннисон видел в войне освобождения Англии от купеческого, стяжательского духа, вышедшего из «высши миллионеров». Его ратовала война как война. Он не мог верить официальным lamentациям типичного для Англии премьеря Пальмерстона о том, что Англия воеет против деспотического русского царизма. Теннисон был за войну потому, что он верил, что это война против английского деспотизма, против царей английских банков, против королей экспорта и импорта.

Джеральд Масси писал англич в стихах. Но и он высказывал в своих воинственных стихах сожаление о том, что «бог Англии Маммон, а не Марс». И для него война была «оченьем». Он призвал Англию «йти на бой, как жених идет в altar».

Откровенно империалистические призывы, по свидетельству специальных исследователей, — редкое явление в английской литературе, несмотря на то, что империализм составляет основную тенденцию английской политики с лавнейших времен. Даже такой крупный представитель британского империализма, как Дизраэли, не писал в своих романах, подвергаясь от откровенного империализма, предостерегая от превращения реиндус либерально-джигонистского «антузизма». Прорвался он и в наши дни. И как в прежние времена, прорвался только у отдельных лиц.

Уэльс начал преобразоваться, можно сказать, на глазах у изумленного публики. Не свойственный ему пессимизм испарился и уступил место привычному оптимизму. Империалистический инстинкт являл верх биологическо-философским разочарованием.

Уэльс припаддежит к тем людям, которые признают действительным не то, что есть, а то, что возможно во влохновенных недрах собственной фантазии. Там он находил компас для определения того, чьей историей в прошлом и будущем, там он находил решение всех проблем. Он подпадает обману собственной способности одевать ставшие триумфами идеи в оригинальные фантастические одежды.

Отношение Уэльса к войне теперь такое же, как 25 лет назад. Тогда он оправдывал войну и теперь оправдывает. В пролуную войну самым сильным лозунгом военной пропаганды был лозунг «сунчужения всех войн». В эту войну на уэльчу уничтожения всех войн никого нельзя помянуть. Новый лозунг до сих пор не придуман. И старый мастер военной пропаганды выступает с лозунгом: «права человека». Не новый общественный порядок, а права человека безотносительно к общественному порядку.

Уэльсовский читатель может заметить: позволить, ведь, войну-то объявил Чемберлен, которому вы не верите, а не вы, как же вы хотите нас уверить, что она ведется ради тех целей, которые проповедуете вы, а не Чемберлен? Ему так и говорит. Но Уэльс упрямко твердит: прикляйте к войне бумажку с другими целями, и это будет другая война, не чемберленовская, а уэльсовская, возмущенная и всякая прочая.

В своей проповеди войны Уэльс доходит до истерии. Это истерика джигониста, которого привозит в истинные бессонные и нерешительные политические и военных руководителей Англии. Уэльс, в прежние годы усердно подпевавший великим разоблачителям лицемерия английских высших классов, в «антузизме» военной пропаганды довел английское ханжество до отвратительнейшего коридства.

Так же, как Теннисон и Карлейль, он считает британский империализм великим небес, но изобрел для него «внерациональную» космополитическую расу. Бы он писал о всемирном государстве в своих романах, в своих политических выступлениях он желает лишь создания всемирного британского сверхимпериализма. Поведение Уэльса в двух

мировых войнах ясно показало, каков истинный смысл его фантазий, его идей, его слов.

Выдвинутый Уэллоом новый лозунг войны не имел и не мог иметь успеха, так как его жизнь слишком ясна. Но он вызвал отклики в виде писем в редакцию «Дейли гералд». Написали «ополченники», но не было недостатка и в противниках. Вот соображения, выдвинутые в некоторых письмах:

Аленс Эстон: «Как утешок, а немного сконфузлен этой истерией с «правами человека». Мы рождаемся с правами, которых нас лишают, и это относится ко всем капиталистическим странам».

Уильям Чемпион: «Мой отец отдал жизнь в войне за уничтожение войны. А я вырос только для того, чтобы выжить, как были растоптаны эти идеалы».

Френк Воллес: «Разве лозунг «защитите ваши права» не служил оправданием всех войн?»

Профессор Холдейн: «Пока существует капиталистический строй декларация (прав человека) столь же неосуществима, как сказки о разоружении и устаре Лиги нации. А неосуществимый проект — опасный яд, с помощью которого будут обманывать народ».

Бернард Шоу дерзновенно замечает, что в единственной публичной речи, произнесенной им в Нью-Йорке, он рекомендовал американцам вырваться в Атлантический океан их конституцию, ибо перечисленные в ней права существуют только на бумаге.

Шоу и Шон О'Кейси, как известно, являлись весьма решительную антивоенную позицию. Ту же позицию занимает Теодор Драйвер в США. Это писатели той же социальной круга, что и Уэльс, но они видели вещи яснее его и свободны от давнишних антисоциальных тенденций Уэльса.

Бернард Шоу отдал себе ясный отчет в лживости аргументации британского империализма и в его внутренней слабости и как трезвый политик говорит: прекратите войну. Он не пацифист, и он понял правильность военных действий, которые вынуждены были предпринять Советский Союз в обстановке империалистической войны для обеспечения безопасности Ленинграда и северо-западной границы. Шоу — самостоятельный мыслитель,

в отличие от Уэльса, являющегося только популяризатором. В отличие от Уэльса Шоу никогда не боялся бросать вызов английскому обществу. Уэльс же всегда искал его благосклонности и в своих критических высказываниях никогда не выходил за пределы благонаправленной оппозиции его величеству.

Шон О'Кейси в каждом успехе Советского Союза видит приближение полного торжества новой эпохи прогресса. В своих выступлениях он неоднократно подчеркивал последовательность советской политики мира, несущей благо всему человечеству. Оригинальным и глубокой драматург, Шон О'Кейси по силе дарования превосходит Уэльса, но благодаря вием и благонамеренности никогда не стигался. Он не кован в литературе «солонихи жила», как Уэльс, и потому неудачливо, что его книги подвергались на родине гонению.

Войною превращение Уэльса — вернее, его возвращение «в первобытное состояние» — интересует нас не в его индивидуальном аспекте, а как характерное явление. В высокой литературе мы едва ли найдем аналогичные примеры. Но если спуститься несколькими ступеньками ниже, то мы встретим его родных братьев.

В Бельгии недавно вышла книга фламандского фабриканта школада Симеа. Бола расстреляла его мозг и открыла ему смысл вещей. Мир, говорит он, нуждается прежде всего в работе. Следовательно, чем больше разрушений, тем лучше, потому что тем больше работы. Для всякого ответственного правительств, говорит он, война — единственная способ борьбы безработицы. Потому ловкие державы и будут предпочитать состоящие войны, к тому же столь покойной на перемирие (это было писано до событий в Скандинавии, господии Сиксиз их не прочувствовал), состояний мира, которое снова постанет их лицом к лицу перед страшной проблемой безработицы.

Убого работает мысль фабриканта Симеа. Но это — последний знаменитый идеи скепсов, уэльсов и прочих болельщиков погбающего мира. Война ради войны. Что же? В этом есть своя логика. После первой мировой войны было брошено крылатое слово о «прогрессном мире». Прогрессный мир не может больше служить основой для капитализма. Но войну ведь obviously придется проиграть. А тогда что? в чем еще найдет для себя опору капитализм? Война ради войны — плохая опора.

А. ГОРНФЕЛЬД

Русские писатели говорили о литературе не только в письмах и стихах, но писали о ней в дебрях сочинений: как попутно к другим соображениям в таком сборнике «Взгляды на писателя» в редакторском предисловии — был обширный документ — статья из письма, посвященного ярым тем, он развивался на тематические отрывки. Специальные теоретические трактаты, декларации, имеющие для датного автора основополагающий характер, давались по возможности...

Первое из этих обещаний, и сожалению, выполнено: нет ничего хуже этого «разбавления на отрывки». Второе обещание — ва его явной фантастичности — не выполнено, но, увы, сочинения, указанные здесь, все-таки использованы и для этого подвинуты именно такому наугобному «разбавлению на отрывки». Действительно, во было ни смысла, ни возможности перепечатывать в сборнике полностью такие «специальные теоретические трактаты», как «Эстетические отношения искусства к действительности» Чернышевского или «Что такое искусство?» Толстого. Это же были книги, явно не подлежащие включению в хрестоматии. Не годятся для этого и такие «обширные документы», как «Лучшие сочинения» Гончарова, как полемические статьи Достоевского против Добролюбова. Поэтому все это подвинуто здесь унифицирующей операции, расположено на отрывки, разбито на «темы» — перераспределено по отделам. Составителям казалось, что этот метод приближает классические произведения к читателю. На самом деле он извращает правильное представление о них, выводит из единого строя размышлений, сводит к абстрактным, то, что рассчитано на последовательное осознание, на углубленное движение мысли, а не на ее прыжки. Каков бы ни был план, положенный в основу «Эстетических отношений» или «Что такое искусство?» — отвечен ли он при поверхностном взгляде или скрыт в ткани систематического рассуждения, — все равно: ясно, что это произведения глубокого цельного, планомерного, и что идеи, проводимые и развиваемые в них, требуют не приятия их на веру, не знакомства с их отдельными формулами, но проникновения во все живое их развитие. Делать это тот же Лев Толстой в своей педагогической книжке сказал: «А не то дорожно знать, что земля круглая, а дорожно знать, как должи до этого». В самом деле: для усвоения чужой идеи она должна быть представлена не как голый вывод, не как декларативный тезис, не как вымысел в голове домоседа, а как увлечение системы доводов, как естественное продолжение развивающегося размышления. Фрагменты никогда не были педагогическим оружием, афоризмы так же мало — средство воспитания, как экстракты — средство питания. Вырванные из контекста рассуждения, отгороженные от атмосферы породившего их сосредоточения, из системы планомерной работы над ними, они могут, конечно, быть точкой к зарождению мысли, могут подстегивать умственную жизнь, но по существу они не дают полного представления о системе, которую вкладает в цельное учение. Нетто возвращающее есть воле в этой обрванности, и потому лишь с величайшей осторожностью можно знакомить начинающего с отрывками учения вместо всей его полноты. В области художественной это давно всеми признано, и банальностью стали указания на мертвящий характер школьных хрестоматий, на антивоспитательную безжизненность, вздут насквозь проникающую поэтической отрывок, взятый из цельного содания и перенесенный на страницы учебной книжки. Однако дело не только в том, что фрагмент лишает способность производить на отравленного хрестоматией человека эмоциональное действие, но еще больше в том, что все выделенное меняет свое значение: ибо одно содержание и описание «Зима!.. Крестянина, торжества, на дровнях обновляет путь», когда это — отдельные лирические суживорения, и совсем другое, когда это — строфа из «Онегина». А в напечатанном предисловии подается даже не законченный отрывок, а отдельные фразы, лишённые в этой оторванности того органического смысла, какой они имели в полном тексте.

Вот из Достоевского приведена одна фраза: «На то я и романтик, чтоб выдумывать» (II, 188). Что значит это выдумывать? Разве кто-нибудь отрицал за писателем право «выдумывать»? Дескать значения можно вложить в такой афоризм, когда он озвучен как афоризм, предназначенный для того, чтобы его подстрекательскую форму читатель обогатил своим содержанием. Но ведь у Достоевского особый умысел. Глава, откуда взята эта фраза, начинается словами: «Дети — страшный народ, они сняты и мерещатся». Не писатели страшный народ, потому что им что-то мерещается, а дети: они активны в том, что сняты. Это не писатель — реалист говорит: с улыбкой, с насмешкой, с юмором, это все-таки мистик и мистицист. Ведь словами, приведенными в сборнике в качестве мысли о «сущности художественного творчества», кончается «Мальчик у Христа на елке» — эта страшная сказка о вековой общественной неправде, о социальном неравенстве, о мучительных мечтаниях обездоленного ребенка, о детских страданиях, ни одного писателя не доводивших до такого патетического испугания, как Достоевского. Но и здесь у него два плана, и здесь он не только сострадал человеческой боли, но и полтикан, публицист своего лагеря. Он охватил читателя раскатистой атмосферой чувствительной сказки, но маленький трущобный замершего за дровами мальчишка не послужит у него только призывом к всеобщей правде: ему этого мало. «И зачем же», — говорит он в заключительной сказке, — я сочинил такую историю, так не идущую в обыкновенный разумный дневник, да еще писателя! А еще обещал рассказы преимущественно о событиях действительных! Но вот в том-то и дело, мне все кажется и мерещится, что все это могло случиться действительно, — то есть то, что произошло в подвале и за дровами, а там об елке у Христа, — уж и не знаю, как вам сказать, могло ли оно, случиться или нет? На то я и романтик, чтоб выдумывать».

Вот и вырвите эту последнюю фразу из ее эмоционального окружения, отнимите у нее публицистическую направленность, и вы получите следующее: «Мальчик у Христа на елке» — эта страшная сказка о вековой общественной неправде, о социальном неравенстве, о мучительных мечтаниях обездоленного ребенка, о детских страданиях, ни одного писателя не доводивших до такого патетического испугания, как Достоевского. Но и здесь у него два плана, и здесь он не только сострадал человеческой боли, но и полтикан, публицист своего лагеря. Он охватил читателя раскатистой атмосферой чувствительной сказки, но маленький трущобный замершего за дровами мальчишка не послужит у него только призывом к всеобщей правде: ему этого мало. «И зачем же», — говорит он в заключительной сказке, — я сочинил такую историю, так не идущую в обыкновенный разумный дневник, да еще писателя! А еще обещал рассказы преимущественно о событиях действительных! Но вот в том-то и дело, мне все кажется и мерещится, что все это могло случиться действительно, — то есть то, что произошло в подвале и за дровами, а там об елке у Христа, — уж и не знаю, как вам сказать, могло ли оно, случиться или нет? На то я и романтик, чтоб выдумывать».

Показать детство это значит изобразить становление человека, проследить его процесс формирования характера. Детство — это движение, рост. Сложный процесс роста, последовательно обнадежаемый средствами художественного анализа, обычно и является внутренней движущей силой всякой книги о детстве. С первых же страниц повести Штительмана читатель хорошо видит мир взрослых людей местечка, где живет Сема. Вот девушка Сема, «человек воздуха», добрейшее существо, суетливый болтун, у которого вся жизнь уходит на бедность, потому что «нужно выдумывать деньги...» Но «...ему нужно уметь считать, самое большее, до десяти. Делушки приходится иметь дело с маленькими цифрами: грош, пятак, гривна, пятицентовый...» Вот и бабушка Сема, острая на язык, но отходчивая и заботливая. Умело показывает Штительман матерых «гомуз» местечка: Фраймана, Магалияна, Кошана, — у всех у них побывал Сема, совершая свой путь «в люди». Правильно делает Штительман, подробно описывая крупного обущика Гозмана, обнадежа дружину дельца, раскрывая психологию хищника, ибо как раз в этой точке повествования является самый зрелищный узелок на длинной веревочке судьбы мальчишка Сема. Очень интересно читать о «хаалек», о наследственном праве на место. «Слепой индий, стоявший на выгоне, имел свое хаалек, железный ворот, на базаре, имел свое хаалек. Он был владельцем этого места, он мог перебить свое иппое счастье силой или продать за хорошие деньги право собирать покаяние именно здесь, у железных ворот».

Хорошо описаны облик у дедушки и его арест, вопрос офицером-интервентом старшего рабочего в главе «Просто Лурья». Есть и еще немало удачных эпизодов в книге, свидетельствующих о том, что Штительман — писатель очень способный. Читатель доверчив, но требователен. Он видит, как добросовестно Штительман описывает окружение Сема, и пренебрежен к автору добрых чувств. Но где-то наступает перелом... Штительману легко удается найти верную разговорную интонацию. Но уж

Юрий ГРАЛИЦА Повесть о детстве

Богемская тема. Автор отправляется в путешествие по стране, интерес к которой не исчезнет, пока существует человек. Здесь все предостроить автору заповедь, ибо ничто не стоит на одном месте, все изменяется, и восприятие одного и тех же вещей с каждым десятилетием становится иным. В этой стране детства живет еврейский мальчик Сема. Большевик Трофим видит в нем «скуочек» семидесяти отпа — революционера, сидящего в тюрьме, и призывает Сему бережно пронести в себе это «скуочек» через все испытания нищеты в горя в маленьком местечке черты оседлости царской России. И вот Сема растет, учится, идет «в люди», живет с дедушкой и бабушкой и ждет возвращения своего отца. Проксодит революция. Отец возвращается, идет снова в бой и погибает. У Сема нет отпа... Показатель детство это значит изобразить становление человека, проследить его процесс формирования характера. Детство — это движение, рост. Сложный процесс роста, последовательно обнадежаемый средствами художественного анализа, обычно и является внутренней движущей силой всякой книги о детстве. С первых же страниц повести Штительмана читатель хорошо видит мир взрослых людей местечка, где живет Сема. Вот девушка Сема, «человек воздуха», добрейшее существо, суетливый болтун, у которого вся жизнь уходит на бедность, потому что «нужно выдумывать деньги...» Но «...ему нужно уметь считать, самое большее, до десяти. Делушки приходится иметь дело с маленькими цифрами: грош, пятак, гривна, пятицентовый...» Вот и бабушка Сема, острая на язык, но отходчивая и заботливая. Умело показывает Штительман матерых «гомуз» местечка: Фраймана, Магалияна, Кошана, — у всех у них побывал Сема, совершая свой путь «в люди». Правильно делает Штительман, подробно описывая крупного обущика Гозмана, обнадежа дружину дельца, раскрывая психологию хищника, ибо как раз в этой точке повествования является самый зрелищный узелок на длинной веревочке судьбы мальчишка Сема. Очень интересно читать о «хаалек», о наследственном праве на место. «Слепой индий, стоявший на выгоне, имел свое хаалек, железный ворот, на базаре, имел свое хаалек. Он был владельцем этого места, он мог перебить свое иппое счастье силой или продать за хорошие деньги право собирать покаяние именно здесь, у железных ворот».

М. Штительман. Повесть о детстве. Ростовское областное книгоиздательство. Ростов-на-Дону, 1939 г.

1. РАСПРАВА НАД ПУШКИНЫМ

Недавно в одном табачном киоске в Ленинграде продавали детскую книгу с таким стихотворением: Три девичьи под окном Прили поздно вечером. Здравствуй, красная девица, Говорит он, будь парница. Туча по небу идет, Бочка по морю плывет. Ты не лебедь ведь являлся — Денину в жизни оставил; Ты не воршуна убила — Вот отнял царевич оги; Отряса гримз ночи И дивясь, перед собой Видит город он большой, Что за чумуха? Что за бессмыслица! На обложке книги читаем: «Сказка о царе Салтане, о сыне его, слабом и могучем богатыре, князе Гвидоне Салтановиче, и о прекрасной царевне Лебеди» А. С. Пушкина.

Книжка издана 50-тысячным тиражом Ленинградской артелью «Красный бумажник», входящей в систему Ленинградских книжков. Для того, чтобы вынуть ложку из называемой «книжки-развивалки», артель из 500 пушкинских строк безобразно выкроила 500! Оставшиеся 38 строчек, судя по выхваченным из пушкинского текста, «Красный бумажник» выдал за сказку, якобы написанную Пушкиным. Но не с одним лишь Пушкиным так широко расправились издатели из Ленинградского. В таком же изуродованном и обесчеловеченном виде вышлупены и «Копек Горбунок», и «Басын Крылова», и другие книжки-развивалки. В подобную же орочку превращена сказка К. Чуковского «Имптом», причем автора даже не уведомили о выходе этой книги 50-тысячным тиражом, у автора даже не спросили разрешения на укасающее сокращение его сказки.

2. БЫЛ ЛИ ЧАЙКОВСКИЙ ПАРАШЮТИСТОМ?

Накануне 100-летия со дня рождения Чайковского в Ленинградское отделение кооперативного издательства КОИЗ явился человек, подсажившийся окрылся от вымысла критики под псевдонимом Фри-дик. В скучных характеристиках обоих писателей, предлагаемых здесь, рядом поставлены равные их взгляды, без всякой попытки вникнуть в их различия, и в каком-либо конкретном соображении, и мысль является в этой гуще слов, которые в отдельности как будто и бессмысленны, но в совокупности не служат ничему. Как по похоже это классифицирование на жанры слова былых писателей, собранные в книгу.

И как хорошо, что она составлена. Не для широких кругов, но все же хорошим приобретением, воспитательным и увлекательным, будет она для читателей, подогретого в теоретических вопросах литературы, уже размышлявшего над этими вопросами и владеющего по крайней мере с основными из материалов, собранных здесь. Не по этой книге узнает он об «Эстетических отношениях» и не по обрзажкам, освещенным здесь, получит надежнее понятие о диссертации Чернышевского. А вот интереснейших творческих признаний автора «Что делать?», заключенных в его письмах, в его затерянных рецензиях и заметках, ему, быть может, не случилось узнать, из отдельных мыслей об искусстве слова, там и сам вырванный в его романы и предисловия к ним, не оставившись в свое время наше внимание, и очень хорошо, что эти материалы выделены, отскааны, вычленились и собраны в лежащем пред нами сборнике и тем введены в круг знаний читателей, не по-ученически, не по-дипломатски интересующегося литературой. Ему нужна эта книга, для чего здесь собраны, обновлены в памяти, свелены драгоценности, которые неостереженно было бы предоставить рассеянию и забвению и которыми мы, в сущности, можем гордиться. Уже наперед можно было предполагать, что в литературе, столь богатой иппно сознательным, общественно-направленным художественным творчеством, литературе, достойной представляющей образную мысль великой страны, не могут отсутствовать и соответственные ей, также значительные, теоретические рассуждения и наблюдения писателей в области их искусства. Да у нас как будто и нет их дневников Гончарова, ни записей Гебеля, ни переписки Гете о Шиллером и т. п. Но вот, когда некий опыт теоретического свода перед нами, когда подается легкий и впечатлительный, но видим, как много ценного у нас, какая масса ума и понимания, тонкости и блеска в том, что говорили большие русские писатели об искусстве, которому отдали себя. И вынесение этого богатства есть бесспорная заслуга составителя. Их книга может быть донесена, ее переиздание будет, надо надеяться, связано с ее необходимой переработкой, но в том или ином виде она может быть настольной у любителей литературы.

очень длинные и часто безрезультатны диалоги его героев и, пожалуй, слишком густо собраны они местечковыми афоризмами. Читатель начинает назойливо мерещиться за этим приемом многоопытная работа Шолом-Алейхема и других писателей, широко пользовавшихся шуточно-философской интонацией местечковых диалогов. Но не в этом беда. Уже прочитана половина книги, а движение нет. И чем дальше читаешь повесть Штительмана, тем больше в этом убеждаешься. Изображение неподвижно. В повести нет внутренней движущей силы, нет глубоких душевных движений. Автор скользит по гладкой поверхности чувств. И читатель тоже лишь возможность что-либо переживать глубоко, потому что он не ощущает в полную силу ни горя, ни радости, ни любви. Автор в хронологическом порядке описывает различные житейские случаи. Он ведет Сему по чисто внешней, возрастной лестнице. Но разве когда-нибудь простое хронологическое перечисление событий давало ощущение времени и движения? Равным образом никогда не давало оно и возможности ощущать те изменения, которые происходят в душе у ребенка. Течением событий Сема доведен, наконец, до Октябрьской революции. По поручению военного комиссара он занимает дом богача Гозмана, чтобы организовать в нем больницу. Может ли Сема равнодушно войти в дом бывшего своего хозяина, а вспоминание о котором у него свалоно столько горьких минут? Напрасно настаивается в этом месте читатель. Он не узнает переживаний Сема, потому что их в повести нет. Не показав детских переживаний, автор, естественно, не мог верно наметить и процесс роста. В одном только месте читатель удовлетворенно отмечает рост Сема. В

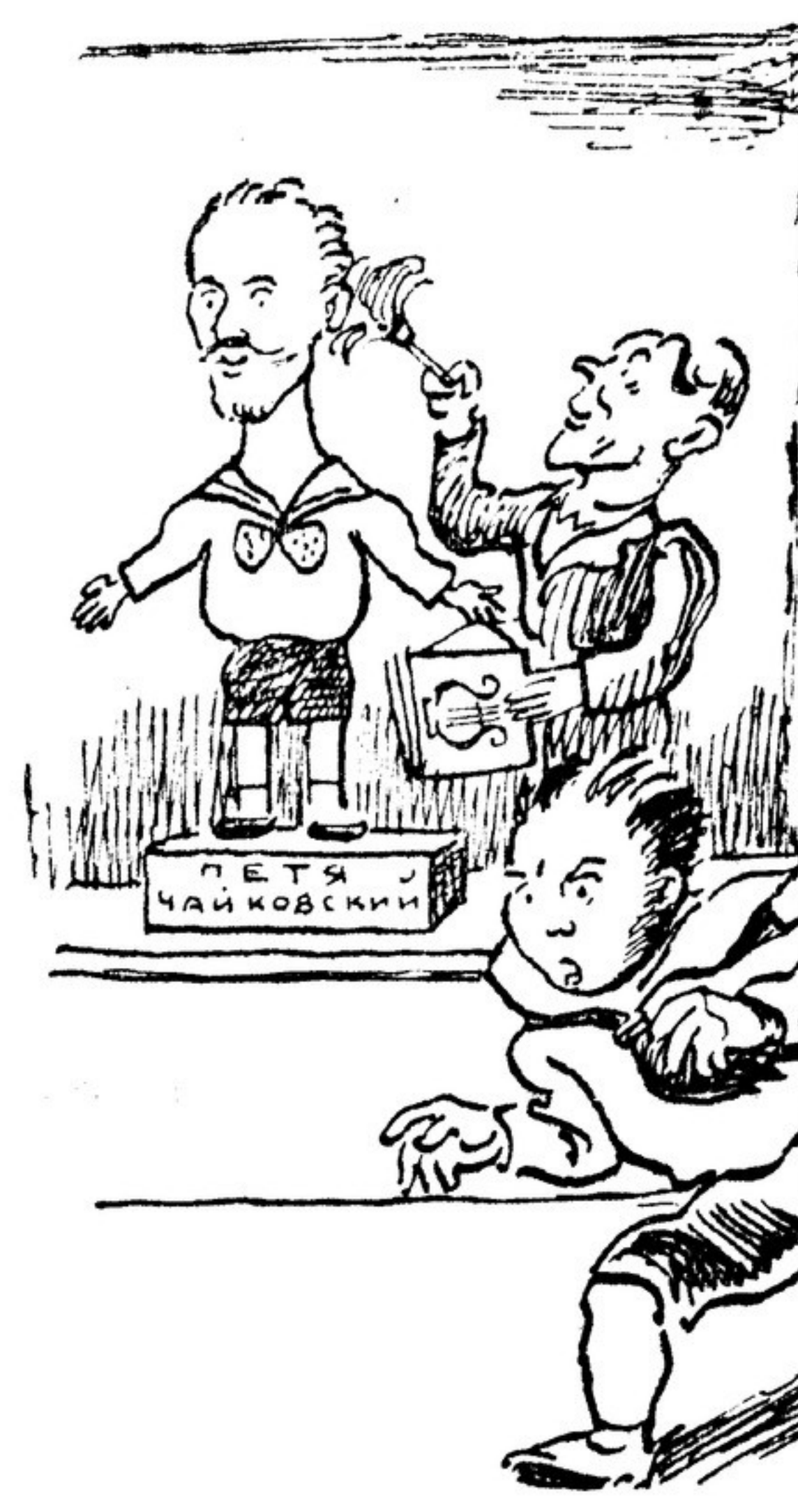
Б. РЕСТ

Чей он старенький отец, Может, к орлеву предостает Неизвестный нам боец? Может, он на парашоте Пригнулся с странной высоты. В героической минуте Занял важные форты? Может, лягушка в колхозе Отпилился, как герой, За еду на паровозе Был прослан всея страной? Вовсе не был он героем И фортов не занимал, Но науку брал он с боем, Все уроки поессал.

Нет, это не ялая пародия на вопиющую культуру! Пошлые и неграмотные вырпыки выпущены отдельной книжкой, к которой со дня рождения Чайковского, Ленинградским отделением КОИЗ. Книжка вышла 50-тысячным тиражом, под названием «Детский альбом» и под редакцией зам. управляющего Ленинградским КОИЗ А. Аугфа. Автору уплачено 60 рублей за строку (3000 р. за книжку). Но еще больше, чем 48 строчек безгра-

3. «КУРИЦА ДАЕТ ПОЛЗУ»

В одном из рассказов Веры Инбер девочка Мура пишет сочинение «Скотный двор».

— Здравствуйте! — сказал Фри-дик, — Я поэт, откликающийся своей лирой на актуальные события литературно-художественной жизни. Я предлагаю вам издать произведение, которое в звучных стихах моего сочинения повелевает широким детским массам некоторые подробности из жизни и творчества великого русского композитора. — Очень хорошо! — сказал управляющий Ленинградским КОИЗ — Скорей, скорей, — добавил заместитель управляющего, — давайте рукопись! На рукопись, под портретом Чайковского было написано буквально следующее: На обложке книжки для Аккуртнейших, седой. На него, ребятик, глядя, Каждый спросит — кто такой? Кто он сделал, чем прославлен

главе «Сема увлечает приващников» мальчик смело состязается с хозяином Гозманом, ставя его втупик своими ловкими ответами. Хозяин растерян и готовится к борьбе. Но автор не сумел ослезить этот воюллит движущей силой повести. Автор обрывает линию роста Сема и пытается описывать события, в которых личностный Сема опять ведет себя, как ребенок. Он словно забыл, что Сема уже побывал «в людях», выучил квалификацию на обувной фабрике, еалл самостоятелен в город выгнать от воинской повинности парня призывного возраста. Сема имеет самостоятельный заработок и кормит бабушку с дедушкой. Пребывание Сема на обувной фабрике не вырабатывает в нем новых качеств. Кажется, что он пелыми днями сложенется по улиткам без дела. Жизнь не обогащает его опытом. Он плохо развивается. Потому военный комиссар Трофим ставит Сему в пример на первом собрании молодежи? Кто совершил Сема? Провсклся на махновца с топором и убегал под выстрелами? Случай с топором — импульсивная вспышка, но больше. События не сделали Сему расторопнее и умнее. И после революции он всецело чего-то не понимает и догадывается об этом после дурмана. Неожанно, почему большевик Трофим и матрос Полянка дают Сему ответственные поручения, в то время как он ведет себя, как ребенок. Почему вообще все связанные с революцией совершают в местечке Трофим, матрос, Сема и еще двое ребят. Где же рабочие обувной фабрики, где все местечко? Движущей силой повести могло бы стать ожидание Семою возвращения отпа. Но образ отпа удался Штительману меньше, чем третьестепенные фигуры повести. Неожанно точно, что привело отпа в

4. КОРОБКИ ДЛЯ ПУДРЫ И КНИЖКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Артель «Советский картонажник» Ленинградского района была организована, чтобы производить коробки для пудры и зубного порошка. Артель — как ширпотреб! — выпускает также печатные игры для детей, лото, азбуки и прочее. Кооперативное издательство КОИЗ должно, прежде всего, выпускать специальную литературу для промысловой кооперации. Но в настоящее время 75 процентов издательского плана КОИЗ занимает «печатная продукция» для детей. Основная специальная артель «Красный бумажник» — изготовление конвертов, но артель быстро переключилась на массовое издание детских книжек и детских игр.

Конечно, не худо, если кооперативное издательство и предприимчивые артели, используя бумажные отходы (обрезки бумаги и картона), делают игрушки, выпускают книжки-картинки, книжки-развивалки, котормым, увы, уделяет столь мало внимания Ленинград. Но в великом сожалении, бурная издательская деятельность всех этих артелей протекает без какой-либо идейно-художественной руководствы и контроля. Надзетскими редакторами, а часто и авторами оказываются люди, которые не имеют никакого отношения и к детской литературе и к советской педагогике.

В «Советском картонажнике», той самой артели, где делают коробки для зубного порошка, заведующий оперативным отделом тов. Тевелев является и редактором и автором. В КОИЗ детскую книжку редактирует зам. управляющего, Артемий «Красный бумажник» (сейчас она называется артель «Пионер»), руководит тов. Федотов, одновременно являющийся и заведующим производством, и редактором, и консультантом, и корректором... Любопытно, что даже в артелях, широко издающих литературу для дошкольников («Красный бумажник» — «Пионер»), как правило, детские писатели к работе не привлекаются. Руководители артели «Красный бумажник» могут называть лишь одного «писателя», которого он хотел привлечь к работе. Это был некто Фрид, написавший книжку о каком-то домашнем, фамилия композитора тов. Федотов так и не вопомнил.

— Некто Фри-дик, — подсказали мы, — выдвинулся в КОИЗ «Детский альбом» в Чкаловском. — Вот-вот, — обрадовался Федотов, — фамилия композитора, кажется, была Чайковский, но фамилия автора, — это я твердо помню, — была Фрид.

Между тем одна лишь артель «Красный бумажник» — «Пионер» выпускает ежегодно «детской продукции» на миллионы рублей. Книжки, искажающие величайшие произведения нашей литературы, издываются в 50 и 100 тысячах экземпляров, продаются не только в магазинах старой и новой книги КОИЗ, но и в иппушечных магазинах, в табачных и газетных киосках. Кстати, цены их спекулятивны. Например «Сказка о царе Салтане», состоящая из 12 аляповатых, безвкусных рисунков и 36 уродованных строк, стоит 2 руб. 75 коп. Характерно, что артель почему-то не ставит на переплете пены книжки, предоставляя «торговцам точкам» делать свои «поправкы» к калькуляционной книжке.

Артели стали лаялками, свособ которых прощаются, беззастенчиво, делаются пошлостью, халтура, невежество. Безконтрольно назаваемая ими «литература» приносит огромный общественный вред. Детские книжки, игрушки, картинки — все это является острым оружием воспитания. В руках халтурщиков оно становится не на шутку опасным. Нужно выгнать его из их рук и запретить заниматься кустарным артелям несвойственным им делом.

Своего сочинения Мура не закончила, но труды ее продолжили взрослые люди, составители всевозможных лото, вышлупаемых артелями Ленинградского района. «Корова, — сообщает составитель лото, — крупное домашнее животное. Питается растительной пищей в свежем и сухом виде. Одно из полезнейших для человека животных. Разводится для получения молока, мяса, кожи...» «Лошадь — крупное домашнее животное. Распространена всюду, приносит громадную пользу человеку. Употребляется для перевозки людей и грузов, для работы в сельском хозяйстве и промышленности, для военных целей, для легкой спорта...» «Гурница» — разводится повсюду. Дает полпу мясом, яйцами и перьями... Все это, заметим, пишется для детей 4—5 лет. Дает ли это пользу маленьким ребятам — в этом мы сомневаемся.

ДЛЯ ДЕТЕЙ

На полке детской библиотеки стоят пять книг о жизни Ленина...

Она моя знакомая девочка, четырех с половиной лет, только узнавая буквы, сказала отцу:

— Папа, а я всего Ленина прочтала. Отец рассмеялся. — Как же это ты, дочка?

И она тут же, проведя пальцем по корешкам собрания сочинений, стала читать: — Ленин, Ленин, Ленин, Ленин, — пока не прочтала все тридцать корешков.

Дшккольница встречает книга М. Зощенко «Рассказы о Ленине». Книжка эта — открытая в детской литературе...

Пасечник удивился тому, что Ленин пришел к нему в дорогу.

«Ленин засмеялся и сказал: — Дорогу мне покажут ваши пчелы. Это они меня сюда провели.

Он сказал: — Владимир Ильич, вы — великий человек и великий геней. В каждом деле вы умеете находить что-нибудь особенное.

Ленин сказал: — Просто надо быть наблюдательным в каждом случае жизни.

Тут Ленин и пасечник стали беседовать о пчеловодстве. И они два часа об этом беседовали.

Особенности писателя, который обогащает наш литературный язык за счет, казалось, уже обработанного материала...

В отличие от книг Зощенко, рассказов, написанных беллетристом, «Рассказы о Ленине» А. Кононова — книга, написанная журналистом.

сильно и выразительно, прекрасно заключает книжку.

Но вот разница: Кононов заботится о точности и выразительности изображения фактов жизни Ленина, а Зощенко — его характера.

«Рабочие наклонились к Ленину, хотели его внести в машину, но он привалился и сказал еле слышно: — Я сам.

Лишь его было бледно. С большим трудом он встал и вошел в машину. Но сидеть не мог и повалился боком на сиденье».

Зощенко об этом говорит коротко: «Рабочие подняли Ленина и посадили его в автомобиль».

Зато дальше: «Тяжело раненный, Владимир Ильич с огромным трудом вышел из машины, и люди поддерживали его, чтобы он не упал».

Подобжали рабочие и хотели повести Ленина на руках в его квартиру.

Но Ленин не позволил им это сделать. Он сказал: — Нет, не надо меня нести на руках.

Моя сестра и моя жена увядают, что меня несут на руках, и поют, что мне очень плохо. Не надо их тревожить.

И все окружающие поразились, что Ленин в такой страшный момент думает не о себе, а о других людях.

И вот Ленин по крутой лестнице сам поднялся на третий этаж.

Зощенко заботится о главном. И поэтому, хотя А. Кононов выбрал, казалось бы, более важные факты из жизни Ленина, он не достигнул из главной цели.

Может быть, это было бы и не так заметно, если бы одновременно не вышла книжка Зощенко. И это очень хорошо, что вышли обе книжки на одну тему.

Они обе полезны для детей, а сравнение их полезно для развития биографической детской литературы.

Три книжки: А. И. Ульяновой — «Детские и школьные годы Ильича», П. Веретенникова — «Волость Ульянова» и сборник «Рассказы о Ленине» представляют собой мемуары, — первые две о детстве и третья — о разных периодах жизни В. И. Ленина.

Книжка А. П. Ульяновой существует вот уже пятнадцать с лишним лет и будет существовать еще долгие годы, сколько бы ни вышло о Ленине прекрасных книг для детей.

Это одновременно источник, к которому будут обращаться и обрабатывать авторы книг о Ленине, и прекрасный материал для детского чтения.

Особенно ценна и книжка второго рода — «Вспоминания о Ленине» Владимира Ильича — П. Веретенникова.

Сборник воспоминаний «Рассказы о Ленине» предназначен, как указано в выходных сведениях, для среднего и старшего возраста.

Кстати, удивляет непознательность Детиздата, давшего одно название трем разным книжкам, изданным в 1939 году: Зощенко, Кононова и сборнику воспоминаний.

В книге этой печатается речь товарища Сталина на вечере кремлевских курсантов, воспоминания членов семьи В. И. Ленина, М. Горького, Клары Цеткин, К. Е. Ворошилова, Ем. Ярославского и других товарищей.

Нет надобности останавливаться на достоинствах этих материалов, — они общепонятны и бесспорны. И вместе и порознь они представляют собой ценнейшее богатство для всех времен и народов.

Рейтинга старшего возраста прочтут все статьи по порядку. Однако, детям среднего возраста ряд воспоминаний, например, Клары Цеткин, конечно, недоступен.

Между тем дети среднего, а не старшего возраста — главный читатель продукции Детиздата. А для них, конечно, нужен другой отбор.

Детиздату нужно принять это во внимание и подумать об издании подобной книги и для детей среднего возраста. Сделать это не очень трудно.

Но, сделав это не очень трудное дело, Детиздат должен во весь рост поставить перед собой и трудное — создать на основе уже существовавшего материала о В. И. Ленине беллетристические и очерковые книги о Ленине для младшего и среднего возраста.

С этой точки зрения, сделанное — только начало. Ценность этого начала в том, что оно коллективное, а с разных сторон, разными методами литературы приступают к выполнению своего долга перед детьми.

ЛЕЙЛИ И МЕДЖУНУ

Есть безумцы, вль «меджуну», как арабы парекли: Броят в дивном бевосовании от волюбленной вдали.

Что для них поём душвнный, воспарише от земли,— Для других — игра с красотой: рады ползати в и пыли.

Так говорит Рустамели во вступлении к своей великой поэме. Так Рустамели свидетельствует о распространении на средневековом Востоке романтического понимания любви.

«Меджуну» — грузинское произношение арабского слова «междуну», то есть овержимый джамом, думом, безумный от любви.

Таким образом Меджуну не собственное имя, а определенное типичное для эпохи душевное состояние. «Лейли и Меджуну» — излюбленное на Востоке сказание о трагической любви двух молодых существ, сказание, полюбившееся темой для многих поэтов Закавказья и Средней Азии — Низами, Навои, Физули. В первоначальном же, народном, варианте речь идет о действительно существовавшем поповоине, оставшемся после сбора гонимых гонимых и кавы. Имя его — Кейс. Вот о чем рассказывает легенда. Лейли и Кейс принадлежали к двум разным арабским племенам.

Еще в школе, детьми, они встречались и сразу безраздельно и ненавистно полюбили друг друга. Так всегда бывает в легенде: вспомним Тристан и Изольду, Ромео и Джульетту. Но если их любовь оказалась такой неблагодарной, то здесь причина была не во внешних препятствиях, не в роковом драматизме фавбы, а в самом характере героя, который не смог или не захотел добиться обладания любимой и выбрал для себя узел одиночного существования, преданного иллюзии и горького, в конечном счете, от нее.

Из всякого огульного дала веков на нас смотрят горящие глаза невозможного безумца, полюбившего, в нынешних докмотях, со капитальскими носомом. Над ним смеются дети, его гонят с базара. Он странствует в пустыне и в горах, складывает свои гонимые и тут же распевает их. Его собеседники — ветер, птицы, облака; лучшие друзья — дикие звери, которых он приручил. Когда он, наконец, гибнет, дикие звери сторожат его прах от людских глаз и не дают зарыть его в течение года.

Перед нами возможность догадок и предположений. До сих пор, по школьной традиции, мы называли колыбелью романтизма средневековой рыцарский Запад. Столь же прочных гоним в этом сказочном туманном лесу гонимки и минезинтеры! Уместно спросить: так ли было на самом деле, как учит школьная традиция? Вель, может статься, крестовщины импортировали к себе на родину не только шелка, мускусы, тамасскую сталь, алмазы и все остальное, что им предоставили горячие рынки Смирны и Багдада, но и нечто более неупомное: поэтический образ и связанное с ним душевное самочувствие. Ведь именно так могло родиться на Западе рыцарское поклонение даме, весь этот возвышенный роман человеческой души, первые отчитывавшейся в своей глубине, — роман, столь чуждый будущим для мирового искусства. И тогда окажется, что сказка жесткие черты феодальной владетельни, коварного наемника, разбойника и война, вытиснут измозженное лицо арабского юноши, всплывшего небывалой нежностью к женщине. И еще окажется, что мистическая окраска, которую получила эта страсть на Западе, есть вторичный и познейший признак, названный ей первыми авторитетом: психологией всегда первоначальнее и старее, тем идеология. Сначала возникла земная волюбленная и земная привязанность к ней. Потом это трехмерное человеческое переживание, приспособляясь в сознании полурыцаря-полуномаха к условиям времени и среды, превратилось в культ Мадонны и приняло тот идеалистический характер, с которым мы встречаем в поэзии европейских романтиков.

По поводу статьи Рыштыко допуст свою лебешную песню в авантюриных и фантастических романах, один из которых — «История (тоже «меджуну») Орландо». И, замыкая оборот мировых образов, совсем в другое время, на другом конце материка, Меджуну возвращается в гениальной пародии Сервантеса. И мы найдем возможность смеяться над тем, как в сказках Сьерра-Морены «рыцарь печального образа» сумасшествует, смеет, кувирается, дает себе позатылишки, разрешается напуган, читается корнями, синт на голый земле и соитает любовные стихи в честь Духлины.

Так можно проследить миграцию поэтического образа с Востока на Запад, из средневековой звездной ночи к полуденному солнцу Византизма. Все это гипотеза. Она требует проверки и доказательств. Ну что ж, тем лучше. Во всяком случае, соблазн разрыва с традиционным представлением о пачале романтизма очень велик. Такой разрыв углубляет и остроклет ощущение истории. Чем свежее ощущение, тем плодотворнее исследование.

Передо мною тотальный фолант подстрочника поэмы Низами о Лейли и Меджуну, которую надо прочесть в течение года. Эта работа представляет мне большую честью для советского поэта. И едва-едва вошел во вкуе ее, хотя перевел вариантное число глав. Все вышесказанное есть размышление человека, перед глазами которого открывается новый для него мир. Как часто за последние годы ретрени советских поэтов с Закавказья и Средней Азии были преваты такими же открытиями! В этом — закономерное развитие нашей молодой культуры, ее внутренняя экспансия, очень жизнеспособная и устойчивая.

Декада, а может быть и не одна, посвященная Низами Гянджеви, еще предстоит нам в будущем году. Сейчас начинается

декада азербайджанской литературы — события большого общественного значения. Оно важно и для нас, русских поэтов, считающих себя по чести работниками международной связи. Нам незачем прибегать к выдумкам, от которых страшно, со всей полнотой ответственности и перед братским народом, и перед родным языком. Но многое нам предстоит сделать.

Уже одно то, что Низами возвращается сейчас на свою духовную и физическую родину и из пригородного поэта Ирана превращается в народного поэта Азербайджана, есть событие мирового значения. Это сказано без тени преувеличения. Мы уже точно знаем, что Низами считал себя «турком» и типично необходимою статью стихи на чужом языке. Мы прошли об этом во вступлении к той же «Лейли и Меджуну». Но в самом термине «Лейли и Меджуну» есть не только национальный смысл, но и социальный оттенок. Называя себя так, Низами противопоставлял не только родной язык иранскому, но и себя самого, свой трудовой хлеб и свою нищету свободе — ширванскому двору.

Здесь стоит вспомнить о том, что в

1837 г. Лермонтов «начал учиться по-татарски, язык, который здесь (на Кавказе — П. А.) и вообще в Азии полюбился, как французский в Европе». Это написано в письме. Татарский, иначе говоря — тюркский, т. е. применительно к Кавказу, — азербайджанский. Вот судьба языка, от которого с такой болью отрывал свое вдохновение Низами! В XIX веке он стал необходимым для славянского русского поэта. Сегодня нам стала насущной поэзия, созданная на этом языке. По остроумию и правдоподобию предположению Ираклия Андроникова, учителем этого языка у Лермонтова был не кто иной, как великий гуманист и просветитель Азербайджана, Мирза Фетх-Али Ахундов.

Нам хотелось бы точнее и подробнее представить себе встречу Лермонтова и Ахундова в парском Тифлисе 30-х годов. Кто знает — может быть, где-нибудь еще звучат обрывки хотя бы лучшего предания? Но если они нам неизвестны, все равно! Пусться сама мысль о возможности этих встреч сопровождает нас, как доброе предзнаменование, в предстоящей встрече с азербайджанскими поэтами сегодня, в нашей Москве.

НИЗАМИ

Начало повести

Расказчик начинает речь, — и тут Пустк жемучу, мной названный, сотуи. В краю арабов жил да был один Славнейший между шейхов владетелин. Шейх амриров жизнь провел свою В цветущем и привеливом краю.

Взметнейший ин песков арабских прах Визметнейший был, чем чаша на пирах. Исполнен добротелей и сил, Под солнцем гордо он чело носил, Был самовластен, как султан иной, Как сам Карун с несчитанной казной.

Приветлив с бедняками, справедлив И славен меж арабов, как Калиф. Но лишь одна случалась тут беда! Он — раковина поляя, куда Не вложена жемчужина. Он — ствол, Что ни одним погубом не зашел.. Да, как ни жаждал сына он, грустя, Как ни вымывал себе дитя,

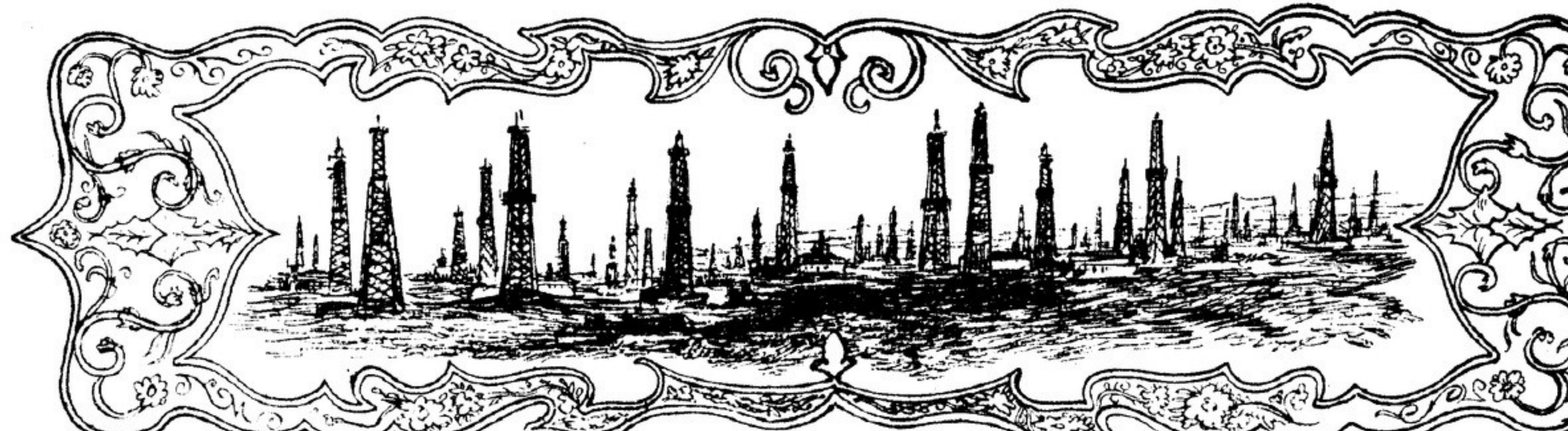
Каких дирхемов нишим ни давал, Каких красивых жен ни целовал, Как он ни сел, — не восходил ростом: Все сына нет, все пугет его чергом! Отцу и невдомом, что не слаба, Но медленю сбывается судьба, Пускай напрасен поиск! Не ропщи, Причину лучше тайнуиши.

Так связаны добро и зло узлом, Что счастье вечно следует за злом. И вот Алях вознаграждает отпа За должное смиренье до конца. И родился младенец дорогой — Такой любимый, миленький такой, Как роза... нет: как пурпурный гранат! Да что гранат! Что роза! Во сто крат Милей! Он стоит всякой похваля, Как белый день, блеснувший вдруг из мглы.

И увидал отец его — и вмиг Сорвал замки со всех богатств своих, Все раздарил, осыпал цвет венка, Роскошное величие! А пока Младенца он кормилные несет, — Пусть несмысленныи грудь ее сосет. Но вскорею не женитиной дитя. То время дышит на него, летя. То с каждой млечной каплей вознесен В иную высь младенца мирный сон. От каждой крапинки индога — в нем Играет нечто внутренним огнем.

И вот уже достиг он двух недель, Как лунный серп, упавший в колыбель. Родные довершить обряд пришли И мальчугана Кейсом нарекли. И год прошел, — ребенком рос и рос, Стройней льняная прихотливей рос, Весь уноен роскошеством любви. Чья сущность разлита в его крови, Как будто от него исходит свет, Как будто воплощает он привет. И года два мль три прошло еще, Шааун игра охвачен горячо. Семь лет прошло — растет он все быстрей, — Тюльпан в венке фиалковых кудрей. А через десять лет по свету лая, Из уст в уста его красе хвала.

* По арабскому обычаю родители разрисовывали лица детей синей краской.

Перевел с иранского Павел АНТОКОЛЬСКИЙ.

ТРОЕ

Какое же все-таки искусство нужно было народу, чтобы в течение веков продолжать петь, писать стихи, импровизировать музыку, учиться — в стороне от исторической манеры, в безвестности, под гнетом чужеземцев и собственных своих богачей, стоякывавшихся явно и тайно о благах всего прочего мира против своих рабов!

Успел мновать золотой век древнего Закавказья, — да и он был более кровавым, чем золотым...

Шли века. Историки буржуазии не рассказали о них правдиво. Великих бунтарей, борцов за разум, материалистов старины изображали они смиренными слугами князей, мистиками и дервишами. Славу великих поэтов Азербайджана отодвинули, — дабы только не кончатся в истории угнетенных народов, — к истории народов более «любимых» для изучения, как было с Низами...

К XIX веку культурный мир уже прочно забрал о слове этой страны на востоке Закавказья. Она принадлежала царской России, и русское чиновничество и медянство считали, по невыразимой своей ограниченности, что владеет краем диким и бескультурным. Предприимчивые — русские и иностранцы — хищнически эксплуатировали эту землю, а местные торговля и помещики не отставали от чужаков, истощая родину и народ.

А народ развивался, сообраял, умел. Сообраяла силы революции. Искусство тоже не хотело умирать. Бродячие певцы — наследия утеха народа — носили из кенда в кенд легенды о героях, слезы и горькие шутики о настоящем, нежел-

ды на будущее. Но в городах не только плакали и пели: там использовались борются. Там выжили среди сомнений, блужданий, ошкоре правдыную дорогу. Дружба русского декабриста Везубица с великим азербайджанским публицистом Ахундовым была первой ласточкой этой далекой весны...

Поэт-агитатор Вазах, гениальный Сабир — поэт-публицист, говоривший об интернациональном братстве в годы крововой национальной борьбы. — таких людей давал XIX век Азербайджану. Так рождалась переломная, революционная интеллигенция Азербайджана — та, чей путь вел неизбежно и необходимо к будущему единению с пролетариатом.

Но промчались, крупные помещици посыпали своих детей учиться, чтобы прочно встали в русло русского и западного капиталистического развития, вербовали для себя приспешников, идейных лакеев. От приспешников капитализма и зачинались тропинки к новому провалому «коммерческому предпринятию» — буржуазному национализму. Эти тропки путали, обивали с пути молодую доревольционную интеллигенцию, мешали ей. И все же то знание, что имело действительную историческую будущность, подрастало и училось бевосилати.

Сознание бакинское лобного пролетариата формировалось и крепло с помощью русского революционного рабочего класса. Азербайджан стал воледействием оплотом Октября на Востоке. Когда уже остались позвяди угасы англо-французской интервенции и мучительного разбора, передовая интеллигенция под руководством партии принялась за создание новой советской литературы, советской науки, искусства в обстановке сложной и трудной. Недостаточное овладение теорией марксизма-ленинизма, слабое знание русского языка, остатки предрассудков, разлагающее влияние подвела капитализма, еще ошкывавшихся в Азербайджане, мешали работе.

С другой стороны, двумя величайшими положительными факторами были повеленная связь с партией и связь молодой

азербайджанской интеллигенцией, вышедшей преимущественно из народа, с народными низами. Было важно, чтобы имели ясное представление о том, как трудно, как удачно была путь, восходящая дорога молодой азербайджанской литературы и каков, в частности, замечательный путь, пройденный тремя выдающимися поэтами: Самедем Вургуном, Сулейманом Рустамом, Мамедом Рагимом. Характерно их разнородное искусство, различие их внутренних приемов, казавшееся почти непримиримым, и вместе с тем, их единство на пути к общей цели.

Все трое начинали с принципиально разных позиций, в процессе развития обогатились, отнюдь не отказываясь от личного своеобразия, но в каждый по-своему обогащаясь. В результате мы имеем поэтов, различных по своим формальным приемам, сложным по направлению. Это направление — реализм. Вместе с тем, каждый из них начал затем от истинного реализма. Им угрожали опасности срыва, падломо другое, — привела их к отдавлению искусством жизни дивия, желание быть понятым народом.

Мне кажется не вполне применимыми к нашему времени определения из старых учебников литературы. Наша литература — оружие, часть общего революционного дела. И в нашей борьбе за будущее человечества мы можем бомбардировать все виды боевой техники. Если же использовать всекак установленным определениям, — надо сказать, что Самед Вургун пришел в поэзию как романтик. Но то был романтик особого, национального, запущенного: типа с принципом мелодического, певучего стиха, с лирически-природными тоном. Его более юрорым стихам была посвящена предельная, теплая простота. Реалистичнейшим образом из народа, поэт умел пользоваться простым языком, простым образами из области трудового бытия и так называемых «картин природы». Хуже обстояло дело с широкими полотнами. В обстановке культурной революции, ежедневной учебы, общественной работы, ин-

дустриализации, ломки была поэт не мог оставаться в рамках своего стиха, если не хотел быть архивариусом. И Самед Вургун тех лет избирал свой временный, переходный стиль, сменив романтику с самими реалистическими деталями и элементами этих деталей с абстрактными, символическими новизнами. Отвлеченный ритмом, наичищностью, длиннотой, любования личным переоскоплением интона пошла то строку, то целую строфу. Но очень большой талант Вургуна помог ему воздвигнуться на аудиторию и на собственное творчество. Он продолжал крепко держаться в своих стихах за основное: за их реалистическое зерно, за ясность чувств. Вместе с тем он рос идейно, политически, овладевал культурой и дисциплиной мышления. Это сочетание народной живичности с идейным содержанием вызвало его из затерянной среды: стиль переходный и несовершенный превращается Вургуна в поэтину ноний стиль некоей романтической публицистики. Так Самед Вургун вышел на путь большого, высокого искусства и заслужил свою огромную популярность.

Сулейман Рустам начинал с любви. Идейно передовой, горячий, очень развитый политически, он тем не менее жил в своих стихах дальше от реальной жизни, от быта, от природы и, вместе с тем, от истории, чем Вургун.

Новаторство Рустам, его стремление изменить язык, внести новые, горские и лирические и гашетные понятия, ломать традиционный ритм стиха, искать определения для новых чувств горского человека, — все это было, по существу, глубоко законом и целесообразно. Но мешала бедность реального, зрительного чувственного опыта. Новаторство вышло из лирической поэзии, из поэзии молчаливых архитекторов той поры, проводили дома, мало приспособленные для жизни в екие жилищные абстракции. В литературе не хватало того, что в жизни называлось практическим применением к обстановке, умением конкретизировать зада-

чи: то была слабость, временно типическая для многих. Учеба Рустам, жизненный процесс его роста, расцвета, развития шел в сторону обобщения теории и жизни. Опыт накапливался в трудностях, в разочарованиях собор, в борьбе за любимое дело. Перемена проходила, как гласоственный скачок. За несколько последних лет Сулейман Рустам написал ряд стихотворений замечательной силы и зрелости: они дают право называть его очень крупным, очень интересным, настоящим поэтом.

Мамед Рагим не пользовался раньше широкой популярностью. Причина, вероятно, заключалась в лирической мягкости и «стихости» его стихов; они мало эстрадно в чисто техником смысле повывиенности голоса и не всегда актуальны для газеты. В тот период, когда книга еще не была достоянием массового читателя, когда грамотность еще не стала достаточно широкой и полной, когда для азербайджанского рабочего класса «литература» — это значило либо газета, либо песня, — стихи Мамеда Рагима звучали как бы приглушено. Это стихи лирические и современные. Эта лирика — урок для тех, кто вульгарно противопоставляет лирическое политическому. Стихи Рагима оптимистичны могут быть написаны только поэтом, воспитанным в советской стране, Дружба народов Союза, верность родине, безграничное уважение к трудовому человеку и жалость к его прошлым горестям — таковы темы Мамеда Рагима, если распределить их по «тематике». Но все они непосредственно применены к личной биографии поэта, к личным переживаниям: в этом их лиризм. При таких задатках камерной лирики поэтов нередко подстерегает опасность втянуться в обязательную, а вот стихи советского автора Мамеда Рагима — это не обязательщина, а поэзия, подлинная, искренняя. Не всегда эти стихи ровны, порой поэту нехватает вкуса в выборе, порой нехватает той силы, которая превращает слово в действие, приводит к воздействию искусством и политической мьра. Освободить внутреннюю зверию для более полного раскрытия мысли, для того, чтобы ошеде материально-

вать мысль, — не таков ли путь воспитания большого и живого таланта Мамеда Рагима? Поэт движется по этому пути. Так вот каких разных людей воспитывает Ленинское-сталинская эпоха!

И приходилось вместе с прозаиками, драматургами, другими поэтами зачинать новую азербайджанскую литературу. Богатства классического наследия на первых порах не помогли созданию нового: малая грамотность народа омертвляла эти ценности; махачинга буржуазно-националистичеких и всяких вражеских последних путей и народное представление о национальном культурном богатстве. Для того, чтобы вернуть азербайджанскому народу историю его искусства в ее истинном, нефальсифицированном виде, также предстояла еще немалая работа. И новым литераторам, создателям советской литературы, надо было еще приготовить для себя рабочее место, т. е. подготовить широкие массы к овладению культурой, участв в то же время и самим. Здесь происходило нечто подобное созданию советских авторов, всаишке стений, полорокных, но взрослых сорняками и assolоненных.

Правильный фарватер, генеральная линия партии, ленинско-сталинская национальная политика — вот что обусловило отнюдь неслыханный в истории расцвет. Между ошкыванием гоголого теоретизирования и опасностью бескультурного натурализма, между заблуждениями национальной ограниченности и заблуждениями ивизиорки, открыта от интересе родного народа надо всякий раз искать и находить верную жизненную линию в литературе, в искусстве так же, как и в переустройстве быта.

И то, что в числе передовых людей Советского Союза — стахановцев, бойцов, практиков-учебных, революционных писателей — мы имеем таких крупных, зрелых поэтов, резко разнородных по стилю, как Самед Вургун, Сулейман Рустам, Мамед Рагим, — это все тот же знак победоносного единства, невозможного ни в каких-либо исторических условиях, кроме наших.

Привет мастерам искусства города Ленина!

Поиски комедии

С. ЦИМБАЛ

Ленинградский Театр комедии — это коллектив, у которого за плечами всего только несколько лет творческой жизни, этот театр, отвечающий за себя своими сегодняшними спектаклями, и ничем больше, и призванный завоевывать авторитет у зрителя, у драматургов и у актеров своими реальными и безотносительными к какому бы то ни было прошлому успехами. Сочувственный и всегда немного пристрастный интерес к таким театрам вознаграждает их мастеров за творческое мужество, за искания и беспоконную неутомимость в работе. Именно такой интерес вызвал в себе в самое последнее время Ленинградский Театр комедии, возглавляемый Н. П. Акимовым, режиссером и театральным художником, но побоявшимся отделиться от своего старого товарища и самому ответственному жанру театрального искусства — комедийному.

Первым драматургом, которого привлек в свой театр Акимов, был почтенный испанский мастер Лопе де Вега. Театру Комедии принадлежит честь и инициатива возвращения на сцену двух комедий великого драматурга — «Собака на сене» и «Валенсийский вдовец», переведенных М. Л. Зосимовым. Удивительные познания переводчика Зосимова были сделаны для Театра комедии, и вопрос решался при этом не в отношении, а в отношении к личности творческого интереса поэта-переводчика к театру. Строгость, точность и поэтический блеск переводов Зосимова не только соотвечали живому ощущению театра, актерской интонации и сценической мизансцене. При переводе «Валенсийского вдовца» Зосимов даже позволил себе незначительные отступления от текста, оправдывая всем строем комедии, что сценическое произведение, воистину, он ввел в нее новое действующее лицо, дал ему драматургическую жизнь в сюжете комедии и написал для него текстные, легкие, исполненные настоящего театрального юмора сценки. Такое творчество в работе поэта, переводчика драматурга «Дядя и сосед», переведшего датского «Дядя и сосед» с добавлением всех сложнейших и запутаннейших правд датского поэтического математика, как нельзя лучше характеризует его непосредственную близость театру, для которого он трудился над комедиями Лопе де Вега. Искусство глубокого поэтического перевоплощения, в совершенстве постигнутое Зосимовым, помогло ему оставаться в его переводах не только очень точным, но и очень самостоятельным и очень сценическим художником. Свобода интонаций, разговорная легкость

стихотворных диалогов, воцарапанная в новое языком характерность речи в свою очередь безмерно помогла театру, режиссеру и актерам так же легко и свободно чувствовать себя на сцене. В этом смысле работа театра над комедиями Лопе де Вега была работой с живым, думающим и творческим драматургом, а не над драгоценной, но вышедшей своим трехсотлетним возрастом равнодушной почитательностью, классической реликвией.

Театру комедии был нужен разнообразный и, само собой разумеется, комедийный, а не какой-либо иной репертуар. Поиски театра в этом отношении были трудны и противоречивы.

Театр долгое время ориентировался на мощные резервы классической и старинной комедии. Рядом с Лопе де Вега в его репертуаре оказались представленные Шекспиром «Двенадцатая ночь», Шериданом «Школьная дословия», Скриблом «Детище слезы». Наконец, на его аршине появилась и наша отечественная комедия — «Замужняя невеста», созданная необычным сотрудничеством Грибоедова, Шаховского и Хмельницкого. Поставочную работу в этих спектаклях осуществляют помимо Акимова, Н. С. Раевского и В. Н. Соловьева. Отчетливо определяется в них дух, по которому хочет идти театр, путь оптимистической комедии, комедии острого и неожиданных характеров, комедии, исполненной наблюдательного и психологического ума. При этом театр ни на минуту не забывает о том, что он — театр, что ему дано всемогущество и бытовые краски, стремительными актерскими движениями, декоративными и пластическими комическими элементами заставить зрителя похотеть и развлекаться, веселиться и распознавать людей, смеяться и постигать мир.

Но во всех этих своих работах театр не мог не только поставить, но и выдвинуть свою центральную задачу, задачу создания комедийного спектакля, воплощающего образы нашей советской современности. Нельзя сказать, чтобы театр уклонился от решения этой задачи. За последние несколько лет он поставил три комедии Шварца («Весенний сморчок», «Простую девушку» и «Странный суд»), «Большую семью» Финна, «Терентия Ивановича Свирина» и даже пьесу, которую очень условно можно считать комедией — «Сын народа» Юрия Германа. Нужно быть объективным: театр ставил все эти пьесы, что мог ставить. Была ли справедливо было бы упрекать театр в чрезмерной выносливости по отношению к пьесам на современную тему. Напротив, ставившие их пьесы советских драматургов далеко не всегда отвечали декларированным театром строгим и разнообразным критериям. Спектакли, в которых блестящее мастерство сценической композиции, искусство комедийной игры было бы обращено на службу современной теме, спектакли, смело и принципиально воплощавшие в комедийных образах новую действительность, театр до сих пор не создал. В подобных случаях принято делать наиболее уместное предположение, что театр мало поработал, как у нас говорят, с драматургами. Мне кажется, что в этой универсальной, но ничего не объясняющей формуле есть не малая доля самообмана.

Что такое в самом деле так называемая работа театра с драматургами, отсутствие которой особенно охотно любят прикрываться не делавшие драматургии? Не следует ли ее расширять как работу театра не столько с драматургами, сколько за драматургов, и не надеяться ли ее понимать как некий творческий педагогический процесс, в котором театр принимает форму учителя, а сами драматурги превращаются в школьников, старательно выписывающих своими летскими каракулями учительский диктант? Нет, такая работа с драматургами нужна только плохим или не умеющим отвечать за себя драматургам и не имеющим никакого отношения к повсе-

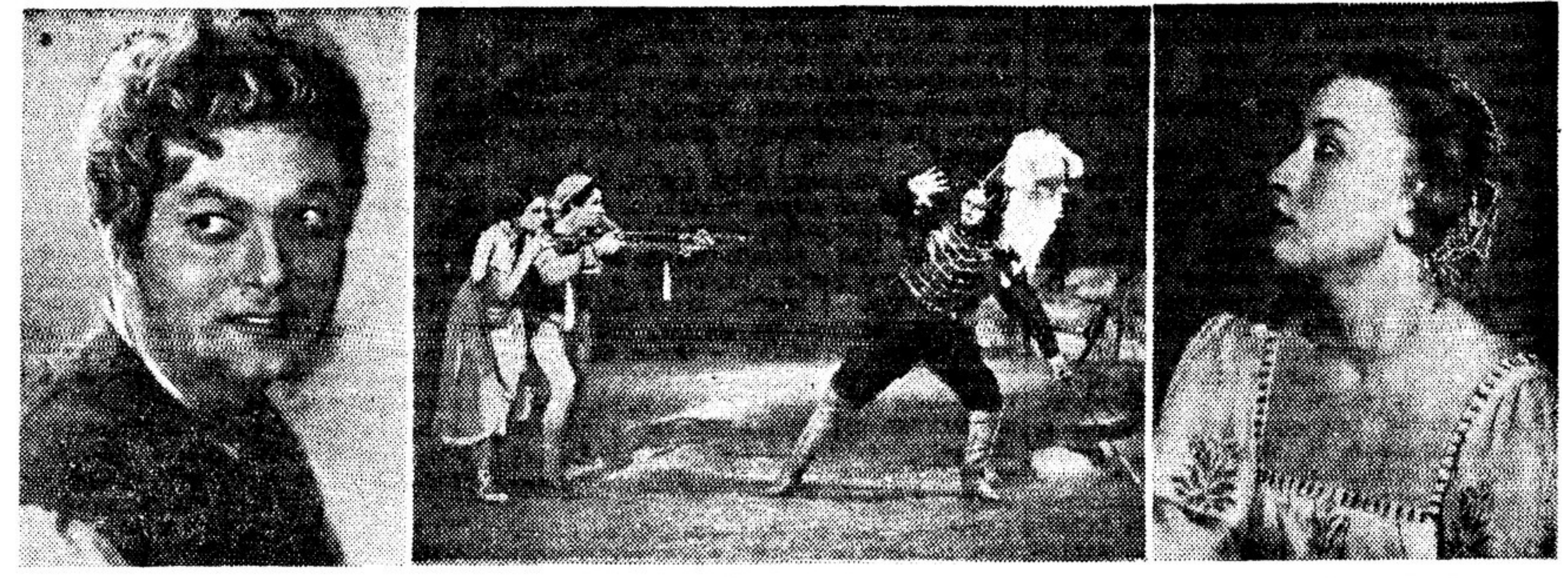
дневной производственной жизни театра. Истинная работа театра с драматургом может быть основана только на углубленном интересе и большом взаимном доверии в их творческих отношениях. В практике Ленинградского Театра комедии был один случай, в этом смысле весьма поучительный.

Совсем недавно театр показал свою новую работу, постановку пьесы-сказки Евгения Шварца «Тень». Спектакль этот, во всех отношениях любопытнейший, был первой встречей Шварца со взрослыми зрителями и принес театру серьезную творческую победу. По победа эта не так-то просто дала театру. — «Тень» — это пятая по счету пьеса Шварца, над которой начал работать Акимов. Четыре раза попытка его поставить пьесу Шварца по разным причинам терпели неудачу, четыре пьесы Шварца так и не увидели света рампы. Вот здесь и нужно было настоящее творчество режиссера к драматургу и драматурга к режиссеру для того, чтобы проложить творческое сотрудничество. Вот здесь и нужен был глубокий, основательный, а не случайный интерес друг к другу для того, чтобы сохранить уверенность в будущем успехе. Живой кровью, горевое совместных поражений и радостью вместе пережитых удач должна была скрепиться дружба театра и драматурга. Только тогда она плодотворна, только тогда она способна возбудить драматурга на напряженный творческий труд, только тогда она рождает в мастерах театра чувство высокой творческой ответственности за пьесу, за каждую ее мысль и за каждое ее слово.

Это чувство ответственности за свою работу, за свои замыслы, за своих драматургов, за своих актеров, это умение настаивать на изменении театра на всем его творческом пути, драгоценное в искусстве невыразимое искательской мысли, откровенно ко вчерашнему шаблону и ко вчерашнему рутинизму переживания заставить совершать ошибки, удержаться в крайности, терять чувство меры, но все это ни в какой мере не ослабляет принципиальной убежденности театра в правильности избранного им пути. Речь идет не о художественном упрямстве, не об отсутствии критического отношения к своей работе, а о превосходном чувстве достоинства театра, его уважении к своим собственным ошибкам и заблуждениям, которые театр никогда не склонен приписывать случайным причинам и обстоятельством.

В биографии театра есть спектакли более удавшиеся и менее удавшиеся, есть работы, которыми он сам гордится, и есть работы, несовершенство которых стало ясным ему самому, но в биографии его нет спектаклей, за которые он не мог бы ответить со всем мужеством и со всей честностью. В театре работают превосходные актеры, творческие встречи с которыми оставляют не мало радостей его зрителям. В театре работает такой мастер, как Тенин, — сочный и красочный сарказм Тенина в «Двенадцатой ночи», буйный и обязательнейший лютец в сказке Шварца. В театре выросли Гошева, Югер, Сухаревская, каждая из которых сыграла несколько центральных ролей впервые на сцене Театра комедии. В театре развилось своеобразнейшее мастерство талантливого Беняминова, с театром связали свою творческую судьбу такие превосходные актеры, как Зарубина, Писелев, Эрст Гарин, Бонди. Перечень этот мог бы быть значительно продолжен... называемыми именами отнюдь не исчерпываются превосходные актерские силы Театра комедии, силы, которые дают ему право и обязывают его все более и более решительно бороться за большую советскую комедию.

За короткое время Театр комедии стал превосходной лабораторией комедийного спектакля. Пусть же творческая энергия его мастеров, его режиссеров, его актеров, его художников послужит величайшему делу создания солнечного, полного света, жизни и радости спектакля о советских людях, о советских буднях, о первом поколении социалистических людей.

Сегодня начинается декада ленинградского искусства. На снимке: слева — заслуженный артист республики А. Ю. Модестов в роли Кола Брюньона в постановке Ленинградского государственного академического Малого оперного театра В. Центра — сцена из 1 акта балета «Лауренсия» в постановке Ленинградского государственного академического театра оперы и балета им. С. М. Кирова. В роли Лауренсии — заслуженная артистка республики, орденоносица Н. М. Дудкина. В роли Фридо — заслуженный артист республики, орденоносец В. М. Чабукинин, в роли командора — заслуженный артист республики, орденоносец М. А. Дулко. Справа — заслуженная артистка республики, орденоносица Г. С. Уланова в роли Джульетты в балете «Ромео и Джульетта»

Ученый и его тень И. ГРИНБЕРГ

Тень, отделившись от своего хозяина; девочка, наступившая на хлеб, чтоб сохранить свои белые башмачки; царевна, превратившаяся в лягушку; источник живой воды... Какие знакомые, дорогие нашему сердцу сказочные образы! Мы встречаемся с ними не раз с наслаждением и рады снова встретиться с ними в новой версии Евгения Шварца «Тень».

По старым знакомым наши за этот раз выдают совсем по-особому.

«Аннушката». Ах, ведь я пришла вас быть осторожной. Говорят, что эта певичка, Юлия Джули, и есть та самая девочка, которая наступила на хлеб, чтоб сохранить свои белые башмачки.

Ученый. Но ведь та девочка, насколько я помню, была наказана за это.

Аннушката. Да, она провалилась сквозь землю, но потом выкарабкалась обратно, и с тех пор она опять наступает и наступает на хороших людей, на лучших людей, даже на самое себя, и все это для того, чтобы сохранить свои белые башмачки, чулочки и ленточки.

Этот разговор происходит в самом начале пьесы. Впоследствии мы действительно имеем возможность наблюдать, как певичка Юлия Джули пролетит и своих друзей, и себя сама, идет на поводу и предательства, чтобы добиться того, что является ей счастьем. Но правда ли, какое неожиданное превращение девочки, наступившей на хлеб?

Надо пояснить, что мы понимаем под добродушным юмором: ведь это юмор отнюдь не столь легкий, как многие, быть может, полагают. — Добродушие нередко оказывается попросту равнодушием, улыбочкой — любезной, но глубоко безразличной ко всему.

Такого добродушия нет в пьесе «Тень». Шварц умеет остроумно реализовать сказочные метафоры, переводить сказочные образы в бытовую, «домашнюю» план, приближая их этим к читателю и зрителю. В «Снежной королеве» дворцовая зала аккуратно разделена надвое белой чертой — это значит, что король отдал своей дочери полкоролевства. А самая принцесса ищет со своим супругом (бывшим свитанцем) в дворцовых залах в лоджии и ездит вместе с ним в город учиться в школе.

Однако же этот юмор, так аккуратно разделенный всю свою страну, не только смешон. Он в то же время полон и злословия. И подлость его совсем не уменьшается от того, что он с забавной уверенностью утверждает, будто «короли могут быть коварными».

В сказке ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок.

Большая часть народных сказок — и сказки таких писателей, как Андерсен, — в сильнейшей степени пропитаны моральными чувствами. Именно эту сказочную традицию и продолжает Шварц.

Действие «Тени» происходит в неизвестной стране. Однако мы очень легко можем угадать, что это за страна, если ее хозяева прячут источник живой воды, открывают врагам, потому что он несет им разорение. Нетрудно угадать, что это за страна, если ее правитель, как огня, боится простых, честных людей. Нетрудно угадать, что это за страна, если в ней люди блуждают слепыми, теряя способность видеть что-либо кроме лобызания денег. Эта страна — капитализм.

Так же обстоит дело и в «Тени». И здесь много веселого и смешного. Разве не курьез дворовый этикет, по которому герцогами полагается по шесть булочек, графом — по четыре, баронам — по две, остальным — что останется. Разве не забавны позы, которые придают лаяем министры финансов (сам он так расслаблен, что не может шевельнуть и пальцем), — «поза, располагающая к легкой, остроумной болтовне», «поза нетерпеливого ожидания», «поза полного удовлетворения происходящими событиями, с легким отпечатком меланхолии, вызванной философскими размышлениями о том, что такое счастье вообще». А крики прозвонивших по окнам, предлагающих и арбузы, и лезущую воду (это происходит на юге), и снежные языки, и преты, и ножи для убийств. А тайный советник, который дает свои советы поношумно, потому что он тайный, а замечательная история министра финансов, выгодно проданного и собственному отравлению. А привиденный с добрым лицом, тучкоушии о своих канарейках и оказывающийся...

И естественно, в пьесе, в этой стране, куда приходится ученому-мыслителю, честному человеку. Он уж совсем было погиб, ему даже отрубил уже голову, но живая вода, исполнившая честных людей, его спасла, вернула к жизни. После этого он стал иным, — более твердым, зрым, решительным. «Я так верил в слово», — говорит он в заключительной сцене, — мне казалось, что можно объяснить людям все. Теперь я знаю, что не все люди — люди». Неак, герой избавился от предрасположения, он понял, что за словами должны последовать действия, что нужно не обещать, а бороться. Но понять это было не легко. Поэтому, прежде чем прозвучит слова борьбы, в пьесе шла речь о многих грустных вещах — об одиночестве, предательстве, коварстве. По герою остался верен своим благородным принципам, он не согласен, не понимает, не отступает, он не потерял веры в людей («не верить ничему, — за ведь это смерть»). Вот почему, несмотря на пелену некоторых сцен, «Тень» — пьеса оптимистическая.

Шварц знает цену слова. Реплика его героев имеет не только информационное значение (как то бывает, к сожалению, во многих наших пьесах). Они остроумны, афористичны, они по-настоящему литературны, их приятно будет произносить актерам и слушать — зрителям. Рядом с остроумной шуткой, забавной игрой слов мы без труда обнаруживаем очень серьезные, а иногда и просто печальные мысли и наблюдения. В этой серьезности и заключается главный интерес, главная ценность «Тени».

Шварц не был бы настоящим сказочником, если бы он не был моралистом. Говорю о «морали», мы отнюдь не имеем в виду пошлость, слухное правоучение, уныло повторяемое давно всем известную истину. Моралист (в высоком смысле этого слова) вовсе не тот, кто подобно церковному герою будет поучать назидательно

В столкновении различных нравственных принципов победила ученый. Но и ему пришлось от многого отказаться, многое пришлось. Сказочные персонажи не так часто меняются внутренне. По ученый изменился. Он перестал угаривать своих противников, он стал бороться против них. И мы видим, что этот рост ученого, его превращение героя в борца, в волея — необходимо. Иначе он стал бы пошляком, обывателем.

Так рассказывает нам о многих серьезных вещах в своей веселой пьесе Евгений Шварц.

Родоначальник украинского театра — драматург Марко Лукич Кропивницкий не готовился стать ни актером, ни режиссером, ни тем более драматургом. Весь его жизненный путь до архаичных лет был связан с чиновничьим благополучием в глухом уездном городке Бобринце (б. Херсонской губернии), где протекло его сиротское детство и безрадостная юность. Здесь в «шпоровом» суде, полиции и «градоу» служили на писарских и делопроизводческих должностях его дядя и его сверстники. Здесь начал тянуть свою служебную лямку и Кропивницкий, отличающийся от прочих лишь прекрасным почерком и чудесным баритоном. Его интересы, его образ жизни не выходили из тесного и замкнутого круга молодого провинциального чиновничества.

В городке не было библиотеки, из газет здесь читали только «Сенатские» и «Губернские ведомости», из книг самыми популярными были: «Франкфурт» и «Орбис Восточный». Бобринец никогда не видел настоящего театра, приезд бродячего труппы был событием, о котором вспоминали несколько лет.

И вот в это стоячее болото попадает в трехлетнюю ссылку известный украинский литератор Коновалов. Кропивницкий знакомится с ним случайно, но, познакомившись, становится неразлучным его спутником в течение всего пребывания Коновалова в Бобринце. Молодой чиновник повсюду привлекает Коновалова талантливым исполнением народных украинских песен, которые он пел «на вечерах». Коновалов привлекает Кропивницкого своей сознательной любовью к украинской старине, знакомит его с героической историей украинского народа и заражает его своим увлечением собранием памятников народного творчества. Вскоре они едут на хутор, развешивают престарелых людей, которые научат их старинным песням и рассказывают им красивые легенды о минувшем. Правда, поэмки эти пропадали не долго, полиция сочла их явно подозрительными, и Коновалову пришлось покинуть Бобринец. Но встреча с Коноваловым сыграла решающую роль в жизни Кропивницкого.

Бобринец, с его захватывающей атмосферой провинциального городишка, лавит Кропивницкого. Среди, где он раньше чувствовал себя своим, становится чуждой и непереносимой. Он уезжает в Одессу, надеясь поступить в университет. Вместо университета он попадает в «Народный театр Морковных и Чернышевых». Это было в 1871 году. Кропивницкому было тридцать лет, когда он сделался профессиональным актером, и оставался он им уже до самой своей смерти. Но ставши актером, он не мог не стать режиссером — организатором украинского театра, и, ставши организатором театра, он не мог не стать драматургом, ибо украинский театр нужно было строить с самого начала. Кропивницкий был тем, кто ввел в себе замечательные актерские дарования, организаторские способности, напряженную волю, неустанное трудолюбие и большой талант драматурга.

Что представлял собой в то время украинский театр? В своих воспоминаниях Кропивницкий пишет: «Украинский театр был тогда «при последнем издыхании», только кое-где любители иногда играли «Наташку-Полтавку» или «Назара Столово». Профессиональные актеры преобладали им, и сами актеры с украинскими фамилиями притягивали к себе поклонников...»

В своем стремлении создать украинский театр Кропивницкий, несмотря на все трудности и препятствия, никуда с этого пути не сворачивал и от своей задачи никогда не отказывался. «Вытравить из моей души любовь ко всему человеческому, угнетенному и приниженому; убогие в моем сердце любовь к порабощенным, и я буду благодарный россиянин и образованный член клуба», — пишет он в одном из своих многочисленных писем.

Разрешение в 1881 году министром Лорис-Меликовым украинским спектаклям, которое, наконец, получила труппа Ашкаренко, во главе которой стоял Кропивницкий, открыло для украинского театра более широкий путь развития. Теперь Кропивницкий вплотную берется за организацию тщательно подобранной труппы. Он привлекает к театру братьев Тобитовичей (Садовских, Сакаганских, Карпенко-Карый), вступают в труппу Заньковская и Затырченко. Кропивницкий продвигает

Марко Лукич Кропивницкий

Вл. СУХОДОЛЬСКИЙ

огромную организационную и режиссерскую работу.

Выдающийся успех имели спектакли труппы Кропивницкого не только на Украине, но и далеко за ее пределами, в том числе в Петербурге. Но этот успех, который в значительной мере определялся «сказочкой» украинского театра, не рвал и не удовлетворял передовых украинских деятелей того времени.

Репертуар становится «узким местом» для дальнейшего развития украинского театра. Кропивницкий также остро чувствует необходимость репертуара. В письме к известному украинскому антрепренеру Сабину он говорит: «Антрепренер честный должен всегда строго держаться известной высоты в выборе репертуара (срыпался и я иногда с этой высотой), но всегда чувствовалась и сознавал собственное малодушие и известной меры и не идти на компромисс с толпой: пляши до одурения, лой до хрипения, танцуй до умопомрачения...»

Своею драматургической деятельностью Кропивницкий начал под давлением обстоятельств, которые он испытывал как руководитель театра. Новых пьес не было, нужно было создать, чтобы было что играть. Он пишет Гринченко: «Беда без репертуара. Сидимте от грива чих один источник, которым так-сяк течет наше родное слово». Но сидеть было некому. Приходилось самому позаботиться о репертуаре, который был бы «на известной высоте».

Кропивницкий начал свою профессиональную актерскую работу в 1871 году, а уже к концу следующего года он дал две пьесы: «Невольник» (переложение для сцены пьесы Т. Г. Шевченко) и «За сироту и бог а калитку» (водевиль на тему неудачного женитьбы). Но это было, конечно, далеко не то, что было нужно украинскому театру и о чем мечтал сам Кропивницкий.

Пьесой, которая дала ему широкое признание как драматургу, была не сошедшая и по сей день со сцен украинского театра: «Дай сердце волю, завеле в неволю». Первый раз она была поставлена в 1878 г. в Харькове и имела шумный успех. После спектакля студенты вынесли хаворка на руках из театра и, собрав всех харьковских казачков, фальшивым поехали в пригород на Основу, на кладбище, к могиле старейшего украинского актера Соленика. «Вся полиция была поставлена на ноги. Усели, как видим, действительно было шумным».

«Дай сердце волю, завеле в неволю» Кропивницкий в значительной мере продолжал традиции старой украинской драматургии: мелодраматичный стиль, знаменитое место отводится песням и авторграфическому материалу. Самое построение сюжета во многом напоминает ситуацию «Наташки-Полтавки». Но обычную форму любовного конфликта, построенного на вмешательстве третьего (традиционный злодей). Кропивницкий осложнил новым моментом: он вводит новый персонаж (Маруся), энергично борющийся за свою судьбу, за любовь этого «стрельного». И если в этой пьесе мы еще видим обычную в таких случаях идеализацию «несчастных любовников», то наряду с этими идеализировано-мелодраматическими персонажами Кропивницкий выводит далеко реалистически выписанную реалистически фигуру Микиты, который не хочет знать никаких преград на пути к личному счастью, который, ставши сиротой, неизбежно приходит к трагическому концу.

Мелодрама, господствовавшая на сцене в 40—50 годах девятнадцатого века, выживает постепенно отходить на задний план. Новые социальные условия требуют от драматурга реалистической манеры пьесы. Но еще продолжительное время выживает своеобразный симбиоз обих

художественных направлений. Несколько позднее это явление обнаружилось и в украинской драматургии. Ярким примером этого нового течения в украинской драматургии и является одна из лучших пьес Кропивницкого «Гайдай абор науку». В драматургической литературе Кропивницкий первый взял новую тему — тему кулака. Кулак выросал во весь свой громадный рост, он полностью ломал традиционные народнические взгляды на крестьянское общество, как на нечто однородное, сохраняющее «инстинкт общественной правды». Конечно, не приходилось ожидать, чтобы драматургия того времени отразила острую классовую борьбу на селе, которое только начинало расслаиваться. Не будем этого искать и в пьесе Кропивницкого «Гайдай». Традиция в драматургии не изживается сразу. Тема о любви как основном узле сюжетного построения сохраняется и здесь. Но теперь антура злодей-оперника занимает кулак. Это он стремится обогатиться и овладеть женой бедного и честного сельянина. Но в этом ожесточенная борьба за личное счастье сливается с социальной борьбой, где кулак является основной пружиной всего действия. Его фигура ярка и выразительна: он в дружбе со становым, земский начальник выдвигает его в старшины, он олуцывает долгами все село (а в первую очередь мужа прагнущейшей ему женщины), он добивается изгнания своего соперника из села, он — подлинный и жестокий хозяин села и, как подлинный Тартюф, он ханжа и все-таки совершает с божьим именем на устах.

Эта пьеса Кропивницкого была этапной для всего дальнейшего развития украинской драматургии.

Вслед за пьесой «Гайдай» появляется пьеса «Докі сонце айде» — роса отиється. Как и в предыдущей пьесе, социальными мотивами здесь тесно связаны с мотивами романтическими. И здесь сюжет строится на любовном конфликте, но взгляд на социальный разрез, как любовь между людьми разного общественного положения: панчик полюбил простую крестьянскую девушку, результат этого должен обязательно привести к трагедии.

Б. СТОЛЕТНИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

В последующих своих пьесах — «Зайдилово» и «Дні сім'ї» сюжетной основой является семейный разлад, но интересным и новым явлением являются не личные конфликты, на которых строится действие, а социальный фон и яркая обрисовка нового для украинской драматургии образа сельского богача, который жаждет богатства, чтобы подняться на высший социальный ступень и «приспичить к свободной городской жизни». Разбогатевший «зем, лероб», дурел от денег и приобретенного имущества, мечтает стать настоящим «помещиком», он жестоко издевается над близкими, особенно над женой, которой чудится эта «лнина его жизни».

Не останавливаясь на судьбе прочих его пьес, в основном посвященных социальным сценкам на селе в канун революции 1905 г., отметим лишь пьесу, героем которой является уже не крестьянин, а городской рабочий. Это пьеса «Коню Банькавиченко». Герой пьесы говорит: «Рабчик рук моих, а работа не всегда выводится. Поэтому один у других работу вырывает из рук и этим снижает заработную плату. Многие голодают, ходят в рубище и ломотках, болеют и погибают...» Коню не сознает причин этого явления, он находит выход в том, что едет на село и здесь, преодолевая сопротивление кулаков, организует сельскохозяйственную артели. Эта пьеса, несомненно, написана под влиянием деятельности известного тогда на Украине «артельного батка» Николая Левинского.

Кропивницкий в своем богатом творчестве эволюционировал от традиционной мелодрамы, от пьес «с кровью, танцами и песнями» (как он сам писал) к темам социального порядка и реалистической манере. Многие из его пьес выдержали самое суровое испытание — испытание временем. Они не сходят со сцен украинского театров, на них до сих пор учащаются поколения актеров, и многими своими качествами они до сих пор служат образцом украинским драматургам, которые, как и пьес украинский народ, свято чтут память Марко Лукича Кропивницкого.

Рассказы С. Бабаевского

На одном из последних занятий курсов-конференции писателей РСФСР обсуждалось творчество С. Бабаевского (Янгирек). Автор прочел свой новый рассказ «Яман Джалта» — из цикла кубанских рассказов, над которыми он сейчас работает.

— Я пишу давно, — говорит о себе автор, — но только для себя, так как пока все было неудачно. О повести не стоит и говорить, — я работал над ней два года, но она мне не удалась. Видно, все таки надо было мне пройти через нее. Теперь я хочу писать рассказы о деревне, и меня прежде всего интересует то новое, что появилось во взаимоотношениях людей благодаря колхозному строю.

Мнение о творчестве С. Бабаевского было вполне единодушным. Д. Стонов, Ю. Либенский, Н. Москвин, С. Левман и А. Ступинский, знакомые с его ранними шедеврами, считают, что автор проделал путь от ученических сочинений на заданную тему до хороших зрелых литературных произведений.

В последних рассказах Бабаевского, по мнению М. Фартга, живо изображена наша действительность, они не падают и дают полное ощущение горячей колхозной жизни.

Основная тема произведений С. Бабаевского — любовь, — говорит Н. Москвин, — и это очень отрадно, потому что за последние время любовь большей частью добавляется к сюжету для занимательности, или как своего рода дань жанру: развиваются строчки уже готовой вещи и выписываются фразы о человеческих отношениях.

В центре внимания С. Бабаевского — человеческие взаимоотношения, коллизии, которые возникают в жизни, волнуют людей. Работа МТС, соревнования колхозов, весь строй колхозной жизни — это уже установившиеся, «обжитые» понятия, органически вошедшие в жизнь героев и являющиеся фоном для рассказа.

По общему мнению, из трех рассказов — «Кружаль лес», «На берегу Кубани» и «Родниковая роща» — наименее удален последний, страдающий некоторым морализированием.

«Казак» Д. Петрова (Бирюка)
Из беллетристических произведений, обсуждавшихся на курсах-конференции, пожалуй, наиболее крупное по замыслу — это «Казак» Д. Петрова (Бирюка). Автор задается целью создать эпопею о донском казачестве и его роли в гражданской войне.

Первая часть романа рисует быт, внутренние социальные отношения и политические настроения дореволюционного казачества (она вышла отдельным изданием в Ростов-на-Дону).

Вторая часть романа была представлена Д. Петровым на конференции в рукописи. В ней автор изображает Дон в период гражданской войны, возникновение и разгром казачьей контрреволюции.

Подробно рецензия о «Казак» дали Я. Рыкачев и Ю. Луккин.
— Вторая часть романа, — говорит Я. Рыкачев, — имеет все внешние признаки эпопеи. Она может стать значительным произведением, но пока это еще только черновик. Автор умело расставляет людей и вещи в романе и дает верное представление о движении времени. Лучший образ романа — дед Афанасий Федорович.

Социально-историческая характеристика донского казачества, — указал Ю. Луккин, — сделана в основном правильно. Однако автор несколько преувеличивает в первой части романа прогрессивные тенденции казачества. Предположим, поэтому представляется читателю во второй части возникновение на Дону казачьей Вандей.

Во время работы конференции обсуждались также: повесть Г. Тропцкого (Свердловск) «Иду на вы» — об игровом походе, повесть Г. Кунгурова (Иркутск) — о воле-народной колонизации Сибири — первая часть которой «Путешествие в Китай» напечатана в шестой книге альманаха «Новая Сибирь», очерки А. Кузнецова (Ярославль) «Полехоновская повесть», а также поэмы и стихи поэтов И. Прохорова (Киров), В. Березницкого (Новосибирск) и Д. Дворецкого (Смоленск).

Литературная газета

6 № 26

РЕДАКЦИЯ: Москва. Последний пер.д. 26, тел. отделов: критики, информации, иностранного, писем в иллюстрации — К 4-46-19; партийного, литературы народов СССР, детской литературы, искусства — К 4-34-60.

Уполн. Главлита Б-0019.

Дом имени Маяковского

Острые назвали Ленинградский Дом писателя — «холодным домом», «ледяным домом», «мертвым домом». Газетные фельетонисты недоумевали: почему клуб Ленинградских писателей носит имя Маяковского, который, как известно, не написал ни одной строчки и обогнал всеобщую мертвечину и обогнал всеобщую жизнь?

В Доме писателя было пусто, неуютно, скучно. Работа клуба сводилась, главным образом, к распределению «мобилизованных» для всевозможных заседаний и совещаний разных комитетов и секций. В литературных кружках находились даже скитники, которые не верили, что в эти установленные музейные гостиные может вернуться шумная, интересная, многообразная жизнь настоящего клуба художественной интеллигенции. Но в последние годы, особенно в последний год, даже скитники изменили свое мнение о Доме писателя имени Маяковского.

Сегодня в Доме писателя можно встретить не одного только очередного докладчика, пришедшего на очередное заседание. В клуб охотно приходят (без каких-либо повесток, без заседаний) и писатели, и артисты, и художники, и композиторы, и ученые. Здесь почти каждый день можно встретить командиров Красной Армии и Военно-Морского Флота — с орденами и золотыми знаками Героев Советского Союза на френчах и кителях.

В Доме им. Маяковского интересно! Академик Е. В. Тарле читал здесь лекцию «Английская дипломатия от Крымской войны до сегодняшних дней». Виктор Шкловский сделал в клубе доклад — «Горький — Блок — Маяковский», журналист и оператор Р. Кармен рассказывал о своих странствованиях с киноаппаратом по Китаю. Встрече с начальником следственного отдела прокуратуры СССР Д. Шевиным пришлось продолжить и закончить на следующий день. Когда В. Катаев приехал в Ленинград, свою новую комедию «Домик» он прочел прежде всего в Доме писателя, и вместе с писателями В. Катаев здесь слушали крупнейшие деятели Ленинградских драматических театров.

Стали традиционными «вечера ближайших премьер», на которых театры показывали писателям фрагменты наиболее интересных постановок (например, «Тень» Евг. Шварца в Театре комедии, «Большвик» Л. Любошевского в Новом ТЮЗ и т. д.). К слову, не менее полезно было бы знакомить писателей и с новыми кинокартинами, но добиться в этом деле согласия Комитета по делам кинематографии не удалось. Между тем, в том же Доме им. Маяковского, на совещаниях писателей, Большиков настаивал на большей профессиональной, творческой связи литературы и кино.

Именно в клуб пришли 40 мастеров спорта. Они продемонстрировали гимнастические упражнения, фехтование. Состоялся и интересный матч бокса — на ринге, сооруженном в большом зале. Вскоре импровизированный «спорт-зал» был превращен

в спортивный зал. Вечером 1934 г. не стал печататься в 1939 году. Им написано более 30 стихотворений. Сейчас он работает одновременно над двумя поэмами. Выступившие товарищи отметили несомненный рост поэта и его значительную поэтическую культуру. Наряду с этим были отмечены отдельные его недостатки, в частности, недоработанность образов поэм.

На этом же заседании, после обсуждения стихов Д. Кугультинов были единогласно приняты в члены ССП Калмыкии. В члены ССП был принят также поэт и переводчик детской литературы Эрдошев Савджи.

В членстве ССП был принят также поэт и переводчик детской литературы Эрдошев Савджи. В членстве ССП был принят также поэт и переводчик детской литературы Эрдошев Савджи.

В членстве ССП был принят также поэт и переводчик детской литературы Эрдошев Савджи. В членстве ССП был принят также поэт и переводчик детской литературы Эрдошев Савджи.

В членстве ССП был принят также поэт и переводчик детской литературы Эрдошев Савджи. В членстве ССП был принят также поэт и переводчик детской литературы Эрдошев Савджи.

В членстве ССП был принят также поэт и переводчик детской литературы Эрдошев Савджи. В членстве ССП был принят также поэт и переводчик детской литературы Эрдошев Савджи.

В членстве ССП был принят также поэт и переводчик детской литературы Эрдошев Савджи. В членстве ССП был принят также поэт и переводчик детской литературы Эрдошев Савджи.

В членстве ССП был принят также поэт и переводчик детской литературы Эрдошев Савджи. В членстве ССП был принят также поэт и переводчик детской литературы Эрдошев Савджи.

В членстве ССП был принят также поэт и переводчик детской литературы Эрдошев Савджи. В членстве ССП был принят также поэт и переводчик детской литературы Эрдошев Савджи.

для первомайского бала в зеленый парк с аллеями и фонтанами!
В начале клубного сезона в Доме писателя был проведен семинар военных журналистов. Многим писателям, присутствовавшим лекции командиров и политработников, довелось затем работать в фронтовой печати. Па-ших — опять в Доме писателя — они встретились с командирами и политработниками армии и флота — своими боевыми друзьями. На этом же семинаре, работавшие в военной газете на Карельском перешейке, вспоминали о людях, которые прибывали из Ленинграда от Дома им. Маяковского, из дружеских писем: нет ли у вас поручений, которые с радостью выполнит правление писательского клуба.

Весь период боевых действий против финской безогардащины в Доме им. Маяковского устраивались регулярные «Беседы у карты», привлекавшие в писательский клуб и многих работников искусства. Большой популярностью пользуется у писателей очень хорошая библиотека Дома им. Маяковского. Книги здесь, между прочим, можно заказывать по телефону и получать на дом.

Сейчас в клубе введена еще одна интересная форма помощи творческой работе писателя: индивидуальные консультации по всем вопросам политической, хозяйственной, культурной жизни. Тут же в клубе писатели встречаются с авторитетным специалистом и получают необходимые справки, выискивая интересующие его вещи.

Конечно, в работе клуба еще немало недостатков. Мы считаем, например, что писатели так же, как и фрагменты новой постановки, интересуют новые страны, написанные М. Зощенко или Ю. Тыняновым, интересуют и фронтовые стихи Н. Тихонова, А. Прокофьева, В. Саянова. Кстати, Дому Маяковского давно уже следовало устроить творческий вечер писателей, вернувшихся с фронта, тем более, что такие вечера писателей — участников боев с финнами — уже с успехом проходят во многих Ленинградских домах культуры и клубах.

Но каковы бы ни были недостатки в работе, все же Дом им. Маяковского, по единодушному мнению писателей, стал одним из лучших клубов Ленинградского интеллигентного Опыта работы в клубе членом изменили его правления — Ю. Германа, Е. Шварца, Н. Чуковского, Н. Никитина и др. — показал, насколько важна писательская инициатива и активное участие писателей в повседневной руководстве клубной жизнью.

Зимний сезон в клубе близится к концу. Было бы отлично, если бы клуб продолжил свою работу и летом. Не стоит ли подумать о подыскании летней базы для Дома им. Маяковского — с летней читальней, спортивными площадками и т. д.? Средства для летнего филиала не так уже трудно найти!

Ю. ИСАКОВ
Ленинград.

Без помощи и руководства

КВРСК. (От наш. корр.). Писательской организации в Курске нет. Единственным членом ССП является тов. Аристов, известный своим историческим романом «Смоленск». В то же время в области имеется молодежная писательский актив, включающий в себя немало безусловно одаренных поэтов и прозаиков.

Молодой поэт Николай Корнеев по преимуществу лирик. Его стихи отличаются свежестью, новизной. Обращает на себя внимание стих Дании Шелест, студента пединститута. Четвериков, молодой учитель Арсеньев. Сотрудник областной комсомольской газеты «Молодая гвардия» Иван Михалев вместе с преподавателем музыкального училища Игорь создали популярную среди железнодорожников Борис Юревич работает над повестью об отважном исследователе Арктики, уроженце города Рыльска Григорий Шелехов. Мих. Горбачев закончил повесть «Митильно детство». Георгий Степанов сдал книгу рассказов для детей.

Капалась бы, все эту начинанию молодежи следовало обогатить и повседневное способствовать ее творческому росту. Но, увы, Редакция областного издательства не знает молодых литераторов и не интересуется их жизнью.

Комсомольская газета «Молодая гвардия» пытается создать литературный коллектив, но из-за плохой организации работы коллектив предпринят распад. Года два назад были выпущены первые два молодежных альманаха «Утро». Альманахи получились довольно серыми. Тут во многом оказались виноваты составители. Серьезной доработки требовали, например, стихи П. Николаева. Из стихов Корнеева были напечатаны отнюдь не лучшие. Однако издательство не сумело извлечь из этого урока; ошибки альманаха не стали предметом обсуждения всей литературской молодежи. Выход третьего альманаха «Утро» все еще анонсируется, когда он выйдет — неизвестно.

Пока идут споры между издательством и редакциями газет — кому же работать с молодежью, консультантами издательства посылают молодым авторам однообразные, пошлостные рецензии и штампованные советы: «Больше читайте!». Посылают и наивно удивляются, почему актив «пшунских» становится день ото дня малочисленнее.

Г. ХАЛИЛЕЦКИЙ

Новые члены ССП Калмыкии

ЭПИСТА. (От наш. корр.). На заседании правления ССП Калмыкии были обсуждены лишь стихотворения и отрывки из поэм молодого поэта, студента Калмыцкого педагогического института Дава Кугультинов.

Дава Кугультинов пишет с 1934 г. но стал печататься лишь в 1939 году. Им написано более 30 стихотворений. Сейчас он работает одновременно над двумя поэмами. Выступившие товарищи отметили несомненный рост поэта и его значительную поэтическую культуру. Наряду с этим были отмечены отдельные его недостатки, в частности, недоработанность образов поэм.

На этом же заседании, после обсуждения стихов Д. Кугультинов были единогласно приняты в члены ССП Калмыкии. В члены ССП был принят также поэт и переводчик детской литературы Эрдошев Савджи.

В членстве ССП был принят также поэт и переводчик детской литературы Эрдошев Савджи. В членстве ССП был принят также поэт и переводчик детской литературы Эрдошев Савджи.

В членстве ССП был принят также поэт и переводчик детской литературы Эрдошев Савджи. В членстве ССП был принят также поэт и переводчик детской литературы Эрдошев Савджи.

В членстве ССП был принят также поэт и переводчик детской литературы Эрдошев Савджи. В членстве ССП был принят также поэт и переводчик детской литературы Эрдошев Савджи.

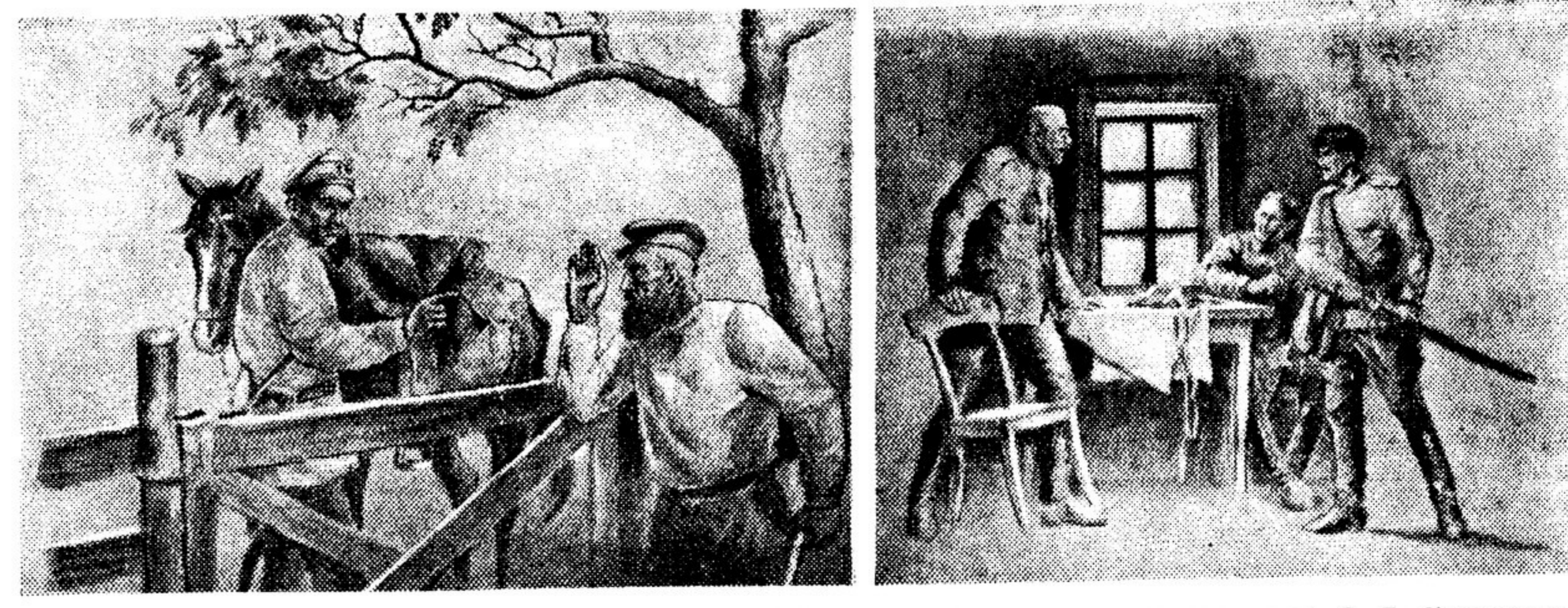
В членстве ССП был принят также поэт и переводчик детской литературы Эрдошев Савджи. В членстве ССП был принят также поэт и переводчик детской литературы Эрдошев Савджи.

В членстве ССП был принят также поэт и переводчик детской литературы Эрдошев Савджи. В членстве ССП был принят также поэт и переводчик детской литературы Эрдошев Савджи.

В членстве ССП был принят также поэт и переводчик детской литературы Эрдошев Савджи. В членстве ССП был принят также поэт и переводчик детской литературы Эрдошев Савджи.

В членстве ССП был принят также поэт и переводчик детской литературы Эрдошев Савджи. В членстве ССП был принят также поэт и переводчик детской литературы Эрдошев Савджи.

В членстве ССП был принят также поэт и переводчик детской литературы Эрдошев Савджи. В членстве ССП был принят также поэт и переводчик детской литературы Эрдошев Савджи.

Госплитиздат выпускает 4-ю часть романа «Тихий Дом» М. Шолохова. На снимке: иллюстрации худ. С. Г. Королькова.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ТОЛСТОМ

В ближайшем времени выходит из печати вторая — толстовская — том «Литературного наследия». В том много неопубликованных до сих пор материалов, имеющих первостепенный биографический и историко-литературный интерес.

Л. Н. Толстой, как известно, оставил большое количество дневников, охватывающих с перерывами, огромный период с 1847 по 1910 год. В полном собрании сочинений писателя они займут 13 томов.

Особое место среди дневников занимает одна небольшая записная книжка. Эту книжку Толстой завел весной 1879 года для зарисовки картин природы. Первая запись была сделана в ней писателем 12 апреля 1879 г., затем она интенсивно заполнялась до сентября и несколько реже до декабря.

Эта записная книжка среди дневников Толстого представляет собой уникум. Она не имела продолжения, если не считать 24 страниц в дневнике за июль—сентябрь 1890 г. и отдельные случайные заметки о природе, изредка встречающиеся в других записных книжках Толстого.

Вот для примера несколько сделанных Толстым записей.

1 мая
В лесу трава на четверть, дожди теплые и грозы. Гудяк крапивою распева. Капкан. На яблоне красаватки ягод. Вечер — чисто запаханый и выскорженный отрод между яблонями.

2 мая
По липам как запыряло — почки.

4 мая
Горелки. Липа распускается. Дуб обсыпан. Овсян взошли. Как яйца вышли из краксы — чья лучше.

Издане «Кер-оглы»

БАКУ (От наш. корр.). Институт языка и литературы им. Низами закончил подготовку к изданию на азербайджанском языке народного эпоса «Кер-оглы».

Из составления сводного текста эпоса использовано до 60 вариантов различных версий о «Кер-оглы», распространенных в песнях и сказаниях среди народов Азербайджана и братских республик.

Кроме того, подготавливается к изданию книга о народном героине «Наби», в которую войдут материалы и воспоминания, собранные экспедицией института в районах Азербайджана и Армении.

Очередные выпуски «Библиотеки поэта»

На днях выходит I том сочинения Пушкина, издаваемых «Библиотекой поэта» (малая серия) в трех томах.

В I томе — стихотворения, во II — поэмы и сказки, в третьем — «Евгений Онегин» и драматические произведения.

В этой же серии выйдет на днях томик стихотворений В. Хлебникова со вступительной статьей Н. Степанова.

Пушкинский сборник

Ученый совет Института мировой литературы им. А. М. Горького утвердил печать сборник научно-исследовательских работ о Пушкине.

Сборник открывает публикацией новых пушкинских документов — неизвестного автографа «Пира во время чумы» и новых черновых строф «Евгения Онегина».

Большой интерес представляет расшифровка Т. Венгером эпиграмм Пушкина «Заступники кнута и плети», обнаруженной П. Е. Шеголевым в 1911 г. на рукописи «Андрей Шенье». Расшифровка этой эпиграммы представляла большие трудности и до сих пор не удавалась.

Анализ факта биографии Пушкина, Т. Венгер приходит к заключению, что эпиграмма, направленная против Николая I, была написана в том же 1825 году, что и «Андрей Шенье».

Эпиграмма, — пишет он, — является яркой демонстрацией того, что Пушкин был очень близок к настроению декабристов и, больше того, за три месяца до восстания он верил в то, что «друзья, братья, товарищи» позвонят ему на расправу с царем.

В статье В. Томашевского раскрыты факты огромного влияния на позднюю русскую литературу пушкинского «Домика в Коломне», встреченного современниками единодушным осуждением.

Большой интерес представляет исследование С. Бонди — о пушкинском драматургии и Г. Гуковского — «Стиль гражданского романтизма 1800—1810 годов и творчество молодого Пушкина».

Роль Пушкина как создателя русского литературного языка разрабатывается в статье Г. Винокурова — «Наследство XVIII века в стихотворном языке Пушкина» и В. Виноградова — «Пушкин — создатель литературного языка». Проблема литературной судьбы Пушкина разрабатывалась В. Фофом.

Сборник выходит под редакцией Д. Благого, И. Луппила и В. Кириллова.

Сто лет «Кобзаря»

КИЕВ. (От наш. корр.). В 1840 году вышло первое издание бессмертного «Кобзаря» Т. Г. Шевченко.

Украинская Академия наук совместно с союзом советских писателей Украины провели недавно научную сессию, посвященную столетию «Кобзаря».

Сессия открылась вступительным словом А. Е. Корнейчука.

На сессии были заслушаны доклады академика П. Г. Тычины — «Сто лет «Кобзаря», академика М. С. Возняка (Львов) — «Первое издание «Кобзаря» 1840 года», академика В. Г. Шурата (Львов) — «Неофиты» Т. Г. Шевченко», академика Ф. М. Колесца (Львов) — «Два типа syllabического стиха у Шевченко», проф. И. Я. Аванешко (Ленинград) — «Читатели «Кобзаря», научного сотрудника Института литературы украинской Академии наук Д. Д. Капицы — «Значение первого издания «Кобзаря» в украинской литературе, научного сотрудника Института литературы УАН Д. Н. Косарика — «Кобзарь и Гербский», поэта М. Ф. Рыльского — «Переводы «Кобзаря» на русский язык», проф. М. Б. Гринченко — «Кобзарь и Лысенко», проф. М. Г. Бурчака — «Иллюстрации «Кобзаря»».

В заключение поэты-кобзаря Я. Мовчан, И. Носач, Иванченко и Перелеполю исполнили для участников сессии свою коллективную поэму «Слава кобзарев!».

Редакционная коллегия: В. ВШЕНСКИЙ, А. КУЛИГАН (отв. редактор), В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, М. ЛЮБИЦ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.

Собрание сочинений Н. Наумова

НОВОСИБИРСК. (От наш. корр.). Областное издательство выпускает собрание сочинения Н. И. Наумова, прекрасного знатока Сибири, пользовавшегося в 70-х годах прошлого столетия огромной популярностью.

Единственное собрание сочинений Н. Наумова в двух томах было издано в 1907 году. В 1938 году издательство «Академия» выпустило один том Н. Наумова, в который вошло только десять произведений писателя. Книги эзотерических произведений Н. Наумова, издаваемые в Иркутске и Новосибирске в 1937 году, свидетельствовали о возросшем интересе к старой сибирской литературе.

В три тома нового издания будут включены почти все произведения писателя и ряд его писем. Собрание сочинений выйдет под редакцией С. Коженикова. Ему же принадлежит вступительная статья и комментарии.

В последние годы писательский процесс.

Н. Бродский считает учебник хорошим пособием для высшей школы, несмотря на некоторые неточности и погрешности в творческой характеристике писателя этого периода.

Недостаток учебника, говорит А. Гусакоса, что в нем нет ничего принципиально нового по сравнению с учебником по литературе для средней школы. Стержнем учебника для высшей школы должна быть концепция литературного процесса. Без этого его содержание распадется на отдельные монографии. Учебник литературы для высшей школы должен быть ближе к критической литературе. Однако критические суждения учебника являются самым слабым его местом.

Н. Юнович также считает основным недостатком учебника недостатком выдержанных в том же принципе историзма. Она отмечает ряд неправильных формулировок и стилистических небрежностей в книге.

В. Нейман указывает, что недостатки учебника, в частности чрезмерная нагрузка его биографическим материалом, вытекает главным образом из наркомпроповедческой программы, с которой составитель не мог не считаться.

С указаниями на частные недостатки учебника выступили также профессор М. Павловский, Н. Писанов, Н. Гудзий, Д. Благой и аспирант Шайфер.

С. И.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» Кузнецкий мост, 18, тел. К 4-43-30

ПОКУПАЕТ СОЧИНЕНИЯ ЛЕНИНА — СТАЛИНА, художественную литературу в старых и новых изданиях всех русских писателей, иностранную и переводную литературу, а также многочисленные библиотечки. Для омовра домалиных библиотек высылаются товароведы.

ВЫРЕЖЬТЕ И СОХРАНИТЕ МАГАЗИНЫ МОСКУЛЬТОРГА № 15 Китайгородский проезд, д. 1. (у Политехнического музея). Телефон К 5-68-98.

№ 22 Арбат, д. 4. Тел. Г 1-30-39. № 3 Ул. Герцена, д. 22. Тел. К 4-47-94. № 16 Сретская, д. 36. Тел. К 5-50-73. № 20 Ул. Горького, д. 78. Тел. Д 1-36-76.

ПОКУПАЮТ И ПРОДАЮТ КНИГИ СТАРЫЕ И НОВЫЕ (по истории, философии, художественной литературе). ДЛЯ ПОКУПКИ БИБЛИОТЕК ВЫСЫЛАЮТСЯ ТОВАРОВЕДЫ НА ДОМ.

КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЯ ул. Горького, 13. Тел. К 1-28-32. ПОКУПАЕТ РУССКИЕ И ИНОСТРАННЫЕ: ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ЛИТЕРАТУРУ, ПО ИСКУССТВУ, ТЕАТРУ и др. Для омовра домалиных библиотек высылаются товароведы.